

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Гусарова А.Ю.	Перспективы регионального сотрудничества в рамках Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)	5
Чинара Эсенгул	Регионализм, государственность и нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии	10

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Туреханова Б.К., Баймаганова К.Т., Калмыков С.К.	Восприятие населением и экспертами евразийской интеграции как фактора повышения конкурентоспособности Казахстана	24
--	--	----

ЭКОНОМИКА

Казиева Р.К.	Уроки Туркменистана: макроэкономика, энергетика, политика «позитивного нейтралитета и открытых дверей»	38
Абен А.С.	Проблемы развития приграничных территорий Казахстана	49
Утеев Б.Ж.	Исследование поведения казахстанских розничных инвесторов	65

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

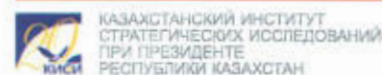
Алпысбаев Т.М.	Медиаторство как способ урегулирования социальных конфликтов	77
Искаков Е.Н.	Исследование конфликтного потенциала государств: обзор аналитических моделей	86
Асаналиев У.А.	Роль математического моделирования в политологии	98

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Laruelle M. (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia; Cooley, A. Great Games, Local Rules: the new Great Powers Contest in Central Asia; Tadjbakhsh, Sh. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia	105
---------------	---	-----

SUMMARY

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск А.А. Арзыкулов
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуақасов, Е.В. Ичнатико
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87^{тер}.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК в сентябре 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Gussarova A.Y.	Prospects for Regional Cooperation within Central Asia Regional Economic Cooperation Program (CAREC)	5
Chinara Essengul	Regionalism, Statehood and Unconventional Threats to Security in Central Asia	10

INTERNAL AND SOCIAL AFFAIRS

Turekhanova B.K., Baymaganova K.T., Kalmykov S.K.	Perception of the Eurasian Integration by Population and Experts as an Increase Factor of Kazakhstan's Competitiveness	24
---	--	----

ECONOMY

Kaziyeva R.K.	Turkmenistan's Lessons: Macroeconomics, Energetics, "Positive Neutrality and Open Doors" Policy	38
Aben A.S.	The Problems of Kazakhstan's Border Territories Development	49
Uteyev B.Zh.	Study on the Behavior of Kazakhstan's Retail Investors	65

THEORY AND ANALYSIS

Alpysbayev T.M. Iskakov E.N.	Mediation as a Means of Social Conflict Management	77
Assanaliyev U.A.	Study on the Conflict Potential of Governments: Analytical Models Review	86
	The Role of Mathematical Modeling in Political Science	98

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Laruelle M. (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia; Cooley, A. Great Games, Local Rules: the new Great Powers Contest in Central Asia; Tadjbakhsh, Sh. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia	105
---------------	---	-----

SUMMARY	116
---------------	-----

AUTHORS	119
---------------	-----

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication A.A. Arzikulov
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvakasov, Y.V. Ignatenko
Address: 87¹ Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 284-34-04, Fax (727) 284-49-85, E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE 'Volkova Ye.V.' Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — депутат Мажилиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Майлыбаев Б.А.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — Государственный секретарь РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) under President of RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Alshanov R.A.** — President of 'Turan' Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Chairman of Foreign Affairs, Defence and Security Committee, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Professor of Department of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi Kazakh National University Doctor of History
- Mailybaev B.A.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Doctor of Law (LLD)
- Syroyezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Tazhin M.M.** — State Secretary of Republic of Kazakhstan, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Director of Institute of Philosophy, Political and Religious Studies, Ministry of Education and Science of RK, Committee for Scientific Affairs, Doctor of Social Science, Professor, Corresponding Member of National Academy of Sciences

Перспективы регионального сотрудничества в рамках Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)

ГУСАРОВА А.Ю.

Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)* является проводником американской геополитической Стратегии Нового Шелкового пути (СНШП). Для закрепления торгово-экономической интеграции с включением Афганистана и привязкой к КНР американские стратеги сформировали дискурс, в рамках которого Центральная Азия превращается в важную транзитную зону для осуществления коммерческих перевозок на Евразийском континенте.

В настоящее время ЦАРЭС выступает платформой для диалога и координации в области планирования и реализации региональных проектов. Финансовое содействие международных банков развития в создании транспортных коридоров ЦАРЭС предоставило возможность странам Центральной Азии повысить конкурентоспособность региона за счет развития внешней торговли как между экономиками стран — участников ЦАРЭС, так и в региональном и глобальном масштабах.

В статье представлены перспективы регионального сотрудничества в контексте рисков и вызовов, которые могут быть сформированы в рамках Программы ЦАРЭС.

* Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества включает десять стран (Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Монголию, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и шесть международных финансовых институтов (АБР, ВБ, ЕБРР, ИБР, МВФ и ПРООН).

Перспективы регионального сотрудничества в рамках ЦАРЭС

Проблемы обеспечения региональной безопасности, связанные с военно-политическим кризисом в Афганистане, имеют свое негативное влияние на широкое привлечение частных инвестиций в экономику ряда стран Центральной Азии. В этой связи деятельность международных банков развития остается главной движущей силой их экономического развития, а Программа ЦАРЭС — механизмом, способствующим достижению данных целей.

При оценке перспектив регионального сотрудничества в рамках ЦАРЭС необходимо учитывать следующие моменты:

- *транспортные коридоры.* Очевидно, что для полноценного включения в глобальные экономические процессы необходимо наличие отлаженной инфраструктуры, в том числе транспортно-транзитной. Краеугольным камнем Программы ЦАРЭС в данной сфере выступают шесть транспортных коридоров.

На данном этапе в официальных документах ЦАРЭС четко проявляется определенная коллизия относительно временных рамок реализации проектов. Согласно Плану действий ЦАРЭС, транспортные коридоры должны быть полностью готовы для наращивания торгово-экономического сотрудничества в регионе к 2017 г. [1]. Стратегия ЦАРЭС-2020 предполагает, что приоритетные запланированные инфраструктурные проекты по транспорту должны быть реализованы к 2015 г.

Помимо коллизии в документах ЦАРЭС, оценить эффективность проектов на практике представляется крайне сложной задачей. Реконструкция транспортных коридоров ведется медленными темпами. Стоит отметить, что по итогам 2007 г. было модернизировано около 64% коридоров ЦАРЭС, а по состоянию на сентябрь 2012 г. было построено более четырех тысяч километров дорог. Ситуация осложняется тем, что у программы отсутствует широкая информационно-аналитическая поддержка, которая могла бы пролить свет на реальный ход событий;

- *роль Китая.* Учитывая потенциальные экономические выгоды от участия в ЦАРЭС, в то же время необходимо отметить, что транспортные и логистические коридоры ЦАРЭС не только привязывают Центральную Азию к Афганистану и Южной Азии, но и способствуют торгово-экономическому усилению КНР, так как четыре из шести коридоров берут свое начало или заканчиваются в Китае.

В результате членства в ЦАРЭС в Китае появилось около ста новых транспортных маршрутов. Более того, китайское руководство активно изыскивает возможности прокладки альтернативных транспортных маршрутов через страны Центральной Азии, в частности за счет строительства новых сообщений с Кыргызстаном и Узбекистаном;

- *энергетика.* Сотрудничество стран — участников ЦАРЭС в энергетическом секторе ограничивается реализацией проектов, направленных на укрепление связей в сфере энергетики между югом Центральной Азии и Южной Азией в рамках проекта CASAREM, лоббируемого Вашингтоном. Участие центральноазиатских стран в данном проекте несет в себе ряд рисков.

С возможным вводом в эксплуатацию Рогунской ГЭС и присоединением ее к проекту CASAREM, Таджикистан и Кыргызстан смогут получать доходы от экспорта электроэнергии. Узбекистан, активно блокирующий данный проект, в этом случае лишится своего монопольного положения на афганском энергетическом рынке, что повлечет за собой ужесточение борьбы за энергетические поставки из Центральной Азии в Афганистан, Индию и Пакистан. Ухудшение взаимодействия в сфере энергетики явится причиной внутрорегиональных противоречий по вопросам использования водных ресурсов трансграничных рек. В рамках ЦАРЭС взаимодействие в данной сфере ведется исключительно по существующим дипломатическим каналам на двусторонней основе*, что отвечает стратегическим интересам Китая по недопущению обсуждения проблемы в ином формате. Поэтому рациональное использование водных ресурсов трансграничных рек отдельно от энергетики не является приоритетной областью программы.

Кроме того, современные тренды в мировой энергетике диктуют условия для развития возобновляемых источников энергии. Однако в рамках ЦАРЭС данному вопросу не уделяется внимания. В настоящее время в Китае сектор альтернативной энергетики бурно развивается благодаря государственному финансированию, поэтому взаимодействие в данном направлении будет вестись исключительно в двустороннем формате. Подтверждением тому является участие одной из крупнейших китайских компаний Suntech Power Holdings в развитии ветряной и солнечной энергетики в Узбекистане;

- *соотношение Таможенного союза и ЦАРЭС.* С экономической точки зрения, Евразийский экономический союз и Программа ЦАРЭС не исключают друг друга. Реализация инфраструктурных

* Положение закреплено в официальных документах ЦАРЭС.

проектов в Центральной Азии будет способствовать более глубокой интеграции региона в глобальные рынки.

Однако вопрос соотношения реализации полномасштабного «единого окна» на основе шести транспортных коридоров ЦАРЭС к 2020 г. и интеграции в рамках Таможенного союза остается непроработанным. Крайне сложно оценить экономическую целесообразность ЦАРЭС, так как какие-либо общие экономические расчеты и показатели в данной сфере отсутствуют. В этой связи информационно-аналитический вакуум стремительно заполняют вызовы и риски безопасности, которые формируются в рамках ЦАРЭС и на которые ссылаются многие отечественные эксперты. Показательно, что этот же вопрос, но в рамках Таможенного союза, который также обладает слабой информационной поддержкой, подобной дискуссией не сопровождается;

- создание физической базы Института ЦАРЭС (ИЦ). Кандидатура Казахстана на размещение физической базы ИЦ в принципе является оправданной в силу многих причин. Несмотря на то, что затраты на открытие новой структуры оцениваются приблизительно в 7—10 млн долл. [2], при этом необходимо учитывать моменты, которые заставляют задуматься о целесообразности базирования ИЦ в РК:

- принимающая страна должна будет вносить более крупный вклад;
- размещение института в стране предполагает более активное участие страны-хозяйки в региональных делах.

* * *

Доноры ЦАРЭС посредством крупных финансовых вливаний формируют инфраструктуру, которая может стать одним из основополагающих элементов торгово-экономической интеграции нового мегарегиона.

При этом в реализации проектов ЦАРЭС Казахстан по сравнению с другими государствами — участниками программы задействован в наименьшей степени.

В рамках данной логики целесообразно обратить внимание на следующие моменты:

1) отсутствие четкого «бизнес-плана», информационной и аналитической поддержки в ЦАРЭС отражает низкую степень приоритетности проекта в политике США в Центральной Азии. Осознавая не-

избежное снижение влияния в ЦАР после 2014 г., США в то же время не спешат обозначать дальнейшие приоритеты в регионе после вывода войск из Афганистана. Помимо призывов к продвижению торгово-экономической интеграции Центральной и Южной Азии в рамках Стратегии Нового Шелкового пути, в арсенале Вашингтона в настоящее время, вероятно, отсутствуют действенные механизмы по вовлечению центральноазиатских стран в орбиту своего влияния.

В этой связи для ликвидации информационно-аналитического вакуума и адекватного восприятия странами региона программы предполагается создание новой региональной структуры — Института ЦАРЭС. Очевидно, что базирование ИЦ в Азербайджане или Китае предоставит Вашингтону и Пекину дополнительный механизм по наращиванию своего влияния в регионе. Целесообразным может стать расширение полномочий Секретариата АБР за счет ИЦ;

2) ЦАРЭС — уникальный механизм, объединяющий пять стран Центральной Азии, может способствовать усилению регионального взаимодействия во многих областях. Однако в силу того, что экономическая целесообразность ЦАРЭС не является очевидной, на данном этапе для Казахстана отсутствует необходимость более тесного вовлечения в программу. К тому же стоит отметить, что в американском стратегическом планировании на первый план выдвинулся вопрос собственного экономического развития. В этой связи значение Центральной Азии существенно снизилось и регион вернулся в зону вторичных интересов США. Учитывая потенциальные дестабилизирующие факторы в Центральной Азии, в перспективе экономическая прагматичность ЦАРЭС остается неопределенной.

Активизация или пассивизация «спящих» проектов будет зависеть в том числе и от изменения внутривосточной конъюнктуры в странах Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Implementation Action Plan for the Transport and Trade Facilitation Strategy // <http://www.carecprogram.org>.
2. CAREC Institute Assessment // <http://www.carecprogram.org>.

Регионализм, государственность и нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии

ЧИНАРА ЭСЕНГУЛ

Введение

Основной тезис, выдвигаемый в данной статье, — слабое государство представляет собой предпосылку для существования и усиления нетрадиционных угроз безопасности. В то же время нетрадиционные угрозы являются ведущим инструментом/способом ослабления государства. Построение сильного государства — это верный и пока единственный действенный путь противостояния нетрадиционным угрозам безопасности. Необходима переоценка роли и возможности государства в обеспечении безопасности самого государства, общества и личности. В связи с этим нужно четко определить функционально, что есть «государство» и «безопасность» в XXI в. Успех процесса государственного строительства крайне важен для стран Центральной Азии в контексте отсутствия предыдущего опыта независимой и самостоятельной государственности в современном понимании. Контекст глобального и регионального порядка, в пределах которого происходит строительство национального государства в Центральной Азии, рассматривается в первой части статьи.

Второй тезис статьи — субрегионализм в рамках постсоветской Центральной Азии способен укрепить государственность стран региона посредством развития внутрирегионального сотрудничества в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности. В конце 1990-х и начале 2000-х гг. стало очевидно, что «мягкие» угрозы или нетрадиционные угрозы безопасности выступили на первый план и

государствам Центральной Азии необходимо было переосмыслить актуальные вопросы национальной и региональной безопасности и найти действенные способы противостояния новым угрозам. Предполагается логичным, рациональным и тем самым ожидаемым, что государства региона будут тесно сотрудничать друг с другом и вне-региональными партнерами для обеспечения национальной и региональной безопасности. Роль регионализма в обеспечении безопасности в Центральной Азии рассматривается во второй части статьи.

В конце статьи сделаны основные выводы теоретического характера касательно взаимодействия по линии регионализм/государственность/нетрадиционные угрозы и некоторые рекомендации для системы управления региональной безопасностью. В статье под «Центральной Азией» понимается регион, объединяющий пять постсоветских государств*. Под «регионом» подразумевается группа соседних государств, угрозы, интересы и пути решения которых в этой сфере переплетены так тесно, что национальную безопасность каждого нельзя продуктивно рассматривать в отрыве друг от друга [1]. В этом смысле автор придерживается мнения, что, согласно теории региональных комплексов безопасности, Центральная Азия представляет собой отдельный региональный комплекс безопасности (РКБ), где РКБ определяется как «совокупность акторов, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации или оба процесса настолько тесно связаны, что их проблемы безопасности не могут быть разумно проанализированы или разрешены по отдельности» [2].

Контекст глобальной и региональной безопасности в XXI в.

Основная характеристика XXI в. — это глобализация. Глобализация усиливает взаимозависимость государства в сфере экономики и безопасности. Усиливается влияние внешних факторов на национальную политику того или иного государства. С точки зрения безопасности глобализация ведет к увеличению трансграничных угроз и появлению ряда негосударственных акторов. Особенность новых угроз в том, что они многочисленны и в большинстве своем взаимосвязаны. Ключевой критерий, по которому определяют не-

* Под термином «Центральная Азия» принято также понимать более широкую географическую область, которая на основе историко-культурных характеристик включает территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана, Монголии, Афганистана, Синьцзяна и Тибета, некоторых районов России, Пакистана и Ирана. Однако для автора статьи особенно важной характеристикой, влияющей на внутривнутриполитические процессы и международные отношения региона, является «советскость» и в этом смысле именно политическое понимание региона «Центральная Азия» как совокупность пяти «-станов» видится оправданной (примечание автора).

традиционные угрозы безопасности, — это противопоставление с традиционными угрозами, то есть угрозами военно-политического характера в межгосударственных отношениях, когда и субъектом, и объектом отношений являются государства. Выделяют такие нетрадиционные угрозы, как религиозный экстремизм, терроризм, наркобизнес, нелегальная миграция, нелегальная торговля оружием и людьми, распространение оружия (как оружия массового поражения, так и обычного вооружения), деградация окружающей среды, организованная преступная деятельность транснационального характера, политизированный и военизированный ислам, новые массовые болезни и эпидемии, угрозы информационной безопасности (хакерство и другие киберпреступления). Многочисленность новых угроз безопасности является индикатором расширения субъектной сферы безопасности. Появились негосударственные акторы, которые существенно влияют на состояние безопасности того или иного государства или региона. Например, террористическая группа «Аль-Каида» является независимой сетевой международной структурой, некоторые другие террористические группы в финансовом и техническом плане поддерживаются государствами. В этом смысле определенная часть межгосударственных конфликтов протекает опосредованно через деятельность негосударственных акторов.

Еще одна важная черта глобального контекста безопасности — это высокая уязвимость государств независимо от их мощи и возможностей, например, события 11 сентября 2001 г. в США или же стихийные бедствия, такие как цунами и землетрясение в Японии в марте 2011 г. Богатство государства, его военные и технологические возможности, бесспорно, важны для обеспечения национальной безопасности, тем не менее, как показывает практика, эти условия не являются достаточными.

Предметный ряд нетрадиционных угроз расширяется также за счет угроз, представляющих опасность для общества и непосредственно для индивида. Согласно концепции «безопасности человека», многие нетрадиционные угрозы являются внутренними, в некоторых случаях источником угрозы могут быть сами государственные органы или правительства, например, коррупция, правление авторитарного режима, плохое государственное управление и т.д.*

* По мнению западного ученого Нейла Мелвина, авторитарные режимы и необходимость смены политической элиты в Центральной Азии являются более ключевыми элементами нестабильности в регионе, нежели афганский фактор. — См.: Neil Melvin. Don't Oversell 'Overspill': Afghanistan and Emerging Conflicts in Central Asia // *Central Asia Policy Brief*. — December 2012. — No. 6 // <http://centralasiaprogram.org> (дата обращения: 03.01.2013).

Высока вероятность того, что список новых нетрадиционных угроз будет постоянно пополняться и станет бескрайним, что, в свою очередь, чревато последствиями. В этом случае все проблемные вопросы можно рассматривать через призму безопасности, что методологически и практически сделает невозможным их эффективное решение. Другими словами, если даже будет ответ на вопрос: «Что/кто представляет угрозу?», станет невозможным поиск ответа на вопрос: «Кто должен и как с этим бороться?». Такая ситуация свидетельствует о том, что пока отсутствует единый концептуальный и методологический подход к пониманию нетрадиционных угроз и способов борьбы с ними. Теоретические наработки Барри Бузана и Копенгагенской школы, которые вылились в целое направление по вопросам изучения безопасности, Security Studies, пока еще не представляют общепринятый концептуальный мейнстрим для аналитиков и лиц, принимающих решения. Данное положение особенно актуально для Центральной Азии, где большинство политической и интеллектуальной элиты все еще пребывает в парадигме мышления, свойственной постсоветскому пространству. Тем не менее предлагаемые Копенгагенской школой секторы безопасности могут быть вполне функционально применены как аналитическая рамка для понимания и анализа реалий и динамики безопасности Центральной Азии. В статье, опубликованной в 1991 г., Барри Бузан выделяет пять секторов безопасности: политическая, военная, экономическая, социальная и безопасность окружающей среды [3]. Первые два сектора можно отнести к традиционной безопасности, в то время как остальные три сектора представляют собой новые измерения безопасности.

На сегодняшний день государство остается единственным актором, обладающим монополией на легитимное применение насилия в рамках своей территории, принятых законов и международных договоров. Через оценку и анализ деятельности государства, его возможностей следует вырабатывать способы борьбы с новыми видами угроз. Только через деятельностный подход, представляя, как реально государству в Центральной Азии можно решать или адресовать ту или иную угрозу, можно правильно ответить на все другие вопросы, такие как: «Кто конструирует новые угрозы?»; «Каким образом идет конструирование новых угроз?»; «Кто является источником/носителем этих угроз?»; «Как и кем принимаются решения по региональной безопасности?»; «Какие проблемы имеют региональное происхождение, а какие проблемы привнесены извне» и «Каким во-

просам нужно отдавать повышенное и приоритетное значение?». Таким образом, решение вопросов безопасности во всех пяти измерениях остается в компетенции государства, в сочетании с необходимостью государству быть гибким, адаптивным и прагматичным в адресации «новых и старых» угроз безопасности в эпоху глобализации.

Другой характеристикой регионального порядка, которая влияет на контекст безопасности в Центральной Азии, является постсоветскость. С распадом СССР в наследство от советской власти достались слабые государственные институты. С исчезновением «центра» иерархическая система советской власти была разрушена, активно пошел процесс деинституционализации советских государственных и общественных институтов во всех республиках бывшего СССР. «Бывший Советский Союз перешел от государства с очень широкой сферой влияния (например, отсутствие частной собственности) и умеренными административными возможностями к государству с гораздо более узкой сферой действенного приложения государственных функций и соответственным образом уменьшенных возможностей государства» [4].

К концу 1990-х и в начале 2000-х гг. уже четко проявляется наличие различных новых угроз, которые успешно появлялись и развивались на «благодатной» почве новых независимых и слабых государств региона. При этом большинство вопросов безопасности в Центральной Азии являются транснациональными, нежели межгосударственными, как правильно отмечено Бузаном и Вивером [5].

Другой важный аспект «постсоветскости» — это фактор России. Москва, будучи бывшим «центром», все еще остается ключевым актором в вопросах безопасности Центральной Азии. Однако Россия по объективным и субъективным причинам является внерегиональным актором, для которой Центральная Азия — это буферная зона, кордон, за которым нужно удерживать негативное влияние традиционных и нетрадиционных угроз. Тем не менее практика показывает, что при активных кризисных ситуациях в регионе ни Россия, ни организации по безопасности, функционирующие под руководством России, такие как ОДКБ или ШОС (здесь еще Китай в тандеме с Россией), не смогли быть действенными и эффективными, что верно для так называемых Баткенских событий 1999 и 2000 гг. и июньских событий 2010 г. на юге Кыргызстана.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что в Центральной Азии нет системы региональной безопасности.

Более того, государство в Центральной Азии, будучи единственным актором, обладающими и суверенитетом, и легитимностью, способным обеспечить как национальную, так и международную безопасность, характеризуется как слабое. В этой связи автор разделяет мнение Фрэнсиса Фукуямы, что «слабость государства — и национальный, и международный источник проблем первого порядка» [6]. Именно, с целью усиления возможностей государства, государствам Центральной Азии нужно сотрудничать в борьбе с нетрадиционными угрозами, потому как это уменьшит негативное воздействие новых угроз на процесс национального и государственного строительства.

Регионализм и безопасность в Центральной Азии

Сотрудничество возможно, когда есть общие интересы и выгоды. Нетрадиционные угрозы, подрывающие государственность в Центральной Азии, представляют собой такой общий интерес. Нужно обозначить четкую цель субрегионализма, что возможно только как результат взаимодействия руководства государств Центральной Азии. В данном случае секьюритизация внешних по отношению к региону нетрадиционных угроз может выступить и как цель, и как процесс субрегионализма. Слабость государства — это не только проблема данного государства, но и проблема других государств, в первую очередь соседних. Необходим солидарный ответ на новые и старые угрозы безопасности. В условиях глобализации действовать односторонне с целью создать «островок политической и экономической стабильности» — это краткосрочная иллюзия, которая не будет оправдана в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Реальность такова, что на международном уровне отсутствует глобальная система противостояния современным вызовам и угрозам. Это объясняется тем, что борьба с нетрадиционными угрозами, например терроризмом, тесно связана с геополитическими интересами крупных держав, что ярко видно на примере ситуации вокруг Афганистана. На данном этапе развития человеческого общества, организованного в нации-государства, управление угрозами в большей степени происходит через региональный уровень и теория регионального комплекса безопасности Копенгагенской школы является адекватной методологическо-аналитической рамкой для анализа динамики безопасности в том или ином регионе мира и между региональными комплексами.

Автор придерживается мнения, что Центральная Азия является отдельным региональным комплексом безопасности в силу следующих причин:

- общность географии и истории народов региона;
- прочность моделей друженности и враженности, конфликта и сотрудничества;
- существование объективных проблем безопасности.

Существующие проблемы безопасности Центральной Азии можно поделить условно на три группы: *внешние, региональные и внутригосударственные*. К внутрирегиональным проблемам можно отнести:

- незавершенность международно-правового оформления государственных границ;
- рост трансграничных угроз, таких как религиозный и политический экстремизм, терроризм, нелегальная трудовая миграция и др.;
- отсутствие скоординированного общего механизма управления водными ресурсами региона;
- отсутствие согласованных механизмов управления единой энергетической системой;
- разница в социально-экономическом развитии государств региона;
- разница в форме политических систем;
- ухудшение окружающей среды (засыхание Аральского моря, урановые хвостохранилища, таяние ледников и др.).

Внешние угрозы по отношению к региону исходят из соседних государств и регионов, где особенно можно отметить угрозы, связанные с ситуацией в Афганистане. При этом следует иметь в виду, что многие западные ученые и аналитики хотели бы рассматривать вопросы безопасности Южной и Центральной Азии в единстве. Такой подход не совсем оправдан, так как динамика безопасности и политические реалии этих двух регионов достаточно сильно отличаются. Таким образом, к внешним угрозам можно отнести:

- увеличение наркотрафика и наркопотребления;
- расширение деятельности сетевых террористических структур и криминальных групп, занимающихся торговлей оружием, торговлей людьми;
- политический и религиозный экстремизм, «подпитываемый» акторами вне региона;
- иностранное военное присутствие и конфликты в соседних регионах (ситуация в Афганистане, Кашмире, СУАР КНР);

- геополитическое противостояние внерегиональных держав (США, Россия, Китай) в Центральной Азии.

Третья группа проблем/угроз носит внутривнутригосударственный характер. Хотя степень того или иного вопроса безопасности отличается в странах региона, тем не менее большинство проблем присуще всем пяти государствам Центральной Азии. Можно выделить следующие проблемы:

- социальная поляризация общества;
- бедность (в меньшей степени для Казахстана);
- увеличение доли теневой экономики;
- коррупция;
- политизация ислама;
- недостаток военной оборонительной мощи;
- ухудшение социальной материальной инфраструктуры;
- новые болезни (ВИЧ, эпидемии);
- рурализация городов;
- сильные позиции криминального мира;
- неспособность обеспечить информационную безопасность;
- слабость государственного управления;
- авторитарность и клановость системы управления;
- различные социально-экономические проблемы (безработица, ухудшение уровня жизни, сокращение среднего класса).

Сказать, что отсутствует сотрудничество между региональными и внерегиональными государствами по противодействию угрозам безопасности, нельзя. Однако удручает, что многое остается на бумаге и на деле не реализуется. «Имитация деятельности» имеет место быть, так как это важный момент во внутренней политике, когда управленцы, чтобы оправдать свое пребывание у власти и дальше там оставаться, говорят о том, что является важным и насущным для безопасности людей, общества и государства. В практическом плане отсутствие реальных результатов в борьбе с угрозами безопасности в Центральной Азии означает:

- либо отсутствие реального потенциала у соответствующих государственных органов;
- либо отсутствие желания у политической элиты региона;
- либо наличие других препятствий, которые делают невозможным эффективную борьбу при наличии потенциала и желания у самих государств региона.

На практике речь идет о некой комбинации вышеупомянутых причин. Потенциал в обеспечении безопасности у государств региона

разный. В случае консолидации этого потенциала всеми государствами региона можно говорить о возможности создания необходимой материальной базы, человеческих ресурсов с нужными знаниями, навыками и культурой/опытом понимания нетрадиционных угроз безопасности. До сегодняшних дней мы являлись свидетелями того, как «близорукая политика» национального самоутверждения, проводимая политическим руководством региональных государств, не дает возможности найти точки соприкосновения между государствами региона. Более того, нас пытаются уверить в том, что Центральная Азия неспособна на консолидацию усилий, неспособна проявить политическую волю и занять достойное место в международной системе. Тем временем угрозы нетрадиционного характера, идущие в регион извне, ослабляют регион, находя «точки входа» через государства, представляющие «слабое звено», и постепенно распространяясь по всему региону.

Под препятствиями, которые не зависят от государств Центральной Азии, в большей степени имеются в виду интересы государственных или негосударственных акторов, которые являются источниками нетрадиционных угроз или обладают «нитями управления» определенными угрозами. Угрозы сами по себе не появляются, субъекты специально создают угрозы для тех объектов, которые они обозначили как «мишени», на которые они направляют свои «негативные» усилия. С позиций политического реализма\неореализма становится ясно, что внерегиональные державы заинтересованы в том, чтобы не было единства в Центральной Азии между государствами региона или чтобы процессы сотрудничества проходили по формуле, выработанной той или иной державой, под ее контролем. В этом смысле ни ОДКБ, ни ШОС, ни НАТО не являются механизмами, которые смогут реально решить проблемы безопасности Центральной Азии. Пока эти институты кооперации представлены площадкой, где балансируются интересы крупных и средних держав, создавая «иллюзию» деятельности, реальные интересы государств и обществ Центральной Азии будут оставаться «вне внимания» и практической деятельности этих организаций. Например, если рассмотреть проблему наркотиков и наркотрафика, то, казалось бы, что проблема в равной степени интересует страны региона и внерегиональные державы. Основной объем наркотиков (90%) идет в регион из Афганистана и через Центральную Азию в Россию [7]. Наркотрафик стал геополитической проблемой в связи с тем, что позиции США и России различаются в способах

решения проблемы наркоторговли и транзита в Центральной Азии. Россия настаивает на том, что у ОДКБ есть все рычаги и возможности для того, чтобы выступить партнером для США в противодействии наркоугрозе в Центральной Азии. Однако США предпочитают развивать двусторонние отношения со странами региона в антинаркотической деятельности и не признают ОДКБ как действенный многосторонний инструмент. Позиция США выразилась в инициировании своей программы Central Asian Counternarcotics Initiative (Инициатива по борьбе с контрабандой наркотиков в Центральной Азии, САЦИ) в феврале 2012 г., согласно которой создаются специальные антинаркотические службы в каждой стране региона и будет осуществляться обмен оперативной и секретной информацией между странами — участниками этой программы. Россия выступила категорически против данной американской программы и постаралась убедить представителей Центральной Азии не участвовать в этой инициативе. Складывается такое ощущение, что руководство центральноазиатских стран просто не знает, как нужно работать с наркофактором, хотя очевидно, что в рамках своей компетенции и своих территорий нужно проводить социально-экономические реформы, которые бы «отвлекли» вовлеченное в наркобизнес население. Подобная ситуация прослеживается и в вопросе религиозного экстремизма. Наблюдение казахстанских исследователей, когда они отмечают, что «наличие определенного влияния иностранных держав на внутреннюю ситуацию в том или ином государстве — одна из реалий современной геополитики и один из важных факторов, способствующих постепенному изменению религиозной ситуации в любой стране, независимо от степени религиозности населения» [8], очень верное и уместное. И особенную актуальность приобретает для Центральной Азии, которая в советское время, пережив атеизм и советизацию в целом, в постсоветский период оказалась в идеологическом вакууме. Постепенно стало очевидным, что в идеологической сфере Центральной Азии существует только религия.

После Баткенских событий 1999 и 2000-х гг. лидеры Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана заключили в апреле 2000 г. договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности. Этот договор стал попыткой создания правовой базы для сотрудничества в области безопасности между государствами

Центральной Азии. Коллективная безопасность — это в первую очередь наличие общего понимания по следующим ключевым вопросам: «Что есть безопасность?»; «Кто и что представляет угрозу региональной безопасности?» и «Как обеспечить региональную безопасность?». Данный договор был заключен на десять лет и не был возобновлен всеми сторонами после окончания срока действия. В октябре 1998 г. Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном было подписано совместное заявление о мерах по созданию системы региональной безопасности в Центральной Азии [9].

Эти и другие попытки создания политической и нормативной базы будущей системы региональной безопасности должны быть срочно реанимированы, что даст возможность нейтрализовать влияние геополитического фактора, но при этом создать площадку для переговоров, где можно выработать механизмы для урегулирования конфликтов и для противодействия нетрадиционным угрозам. Маловероятно, что Центральной Азии грозит военно-политическая угроза со стороны того или иного государства, поэтому по приоритетности и вероятности угроз руководству Центральной Азии необходимо сконцентрироваться на нетрадиционных угрозах. По мере необходимости можно начать с менее политизированных вопросов, имея в виду, что все угрозы, так или иначе, имеют экономическую составляющую и в этом смысле сектор экономической безопасности присутствует во всех других секторах безопасности.

Выводы

Развитие международного сообщества в XX и XXI вв. показало, что понятие «безопасность» претерпело серьезные изменения. Мир стал менее безопасен, но более взаимозависим. Государство как основная единица международной системы ослабело. При этом парадокс ситуации в том, что чем слабее государство, тем меньше национальной, региональной и международной безопасности мы имеем. Для того чтобы быть адекватным в решении вопросов безопасности по всем пяти секторам безопасности, согласно Барри Гордону Бузану, государство в XXI в. должно быть практичным, мобильным и адаптивным. Необходима большая степень взаимодействия с другими государственными и легитимными негосударственными акторами. Изоляция или пассивный нейтралитет могут быть стратегией временного характера в век глобализации, но в конечном счете не являются выходом и гарантией безопасности.

Следует также отметить, что с завершением «холодной войны» количество межгосударственных конфликтов существенно сократилось, в то время как количество нетрадиционных конфликтов увеличилось. Появились комплексные связи между государственными и негосударственными акторами, сложное переплетение их интересов. Все это указывает на необходимость более частого и интенсивного взаимодействия между государственными акторами, которые должны работать на опережение и моделирование вопросов и проблем безопасности. Не следует забывать, что определенная часть межгосударственных конфликтов протекает опосредованно через деятельность негосударственных акторов.

Общность и схожесть проблем в области безопасности, а также наличие внутри региональных вопросов являются основной предпосылкой для регионального сотрудничества государств Центральной Азии.

Сегодня наблюдается недостаток секьюритизации проблем, имеющих внешнее происхождение и угрожающих национальной и региональной безопасности Центральной Азии. Секьюритизация как активное взаимодействие государств региона необходима для того, чтобы обеспечить «достаточный уровень» безопасности от новых и старых угроз безопасности, внешних по отношению к региону. Только после установления и реализации функционального сотрудничества между государственными акторами стран Центральной Азии можно переходить к решению внутрирегиональных вопросов. Успешная секьюритизация внешних угроз и решение внутрирегиональных вопросов позволят во многом консолидировать и укрепить позиции руководства, увеличить их внутреннюю легитимность и создать благоприятную среду для проектов развития.

Воля руководителей государств региона может стать началом взаимного доверия, на основе которого, в свою очередь, могут быть заложены основы системы региональной безопасности. Центральная Азия изо дня в день становится ближе к критической точке «невозврата», когда уже не будет возможности исправить стратегическую ошибку, допущенную в начале 2000-х гг., когда все интеграционные процессы в рамках субрегиона Центральная Азия были свернуты. Нельзя допустить разделения Центральной Азии на два блока: Узбекистан и Запад, с одной стороны, и Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан с Россией — с другой. Возможно, действительно важную роль может сыграть «нейтральный» Туркменистан, выступив с активной позицией по объединению Центральной Азии. Системная

работа над выстраиванием «субъектности» региона должна быть продолжена как можно скорее на политическом и научно-аналитическом уровне.

В качестве рекомендации по форме и механизмам системы региональной безопасности можно предложить ряд мер. В первую очередь важно подписать рамочный и базовый договор о дружбе и сотрудничестве в Центральной Азии, где необходимо закрепить ключевые моменты во взаимоотношениях, аналогичные договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. В частности, важно, чтобы были прописаны и далее на деле соблюдены следующие принципы:

- взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств;
- право каждого государства на существование без вмешательства извне, подрывной деятельности или принуждения;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- урегулирование разногласий и споров мирными средствами;
- отказ от применения силы или угрозы применения силы;
- эффективное сотрудничество между собой [10].

Для того чтобы этот договор заработал, нужно создать Совет безопасности Центральной Азии, в состав которого войдут главы государств. Исполнительным органом должен выступить Комитет секретарей советов безопасности государств Центральной Азии, который будет встречаться на реге двух раз в год и закладывать основы для ежегодной встречи глав государств. Такие встречи в формате пяти государств региона очень важны, ибо в ходе этих встреч можно будет активно заниматься секьюритизацией приоритетных вопросов безопасности региона, до того как за нас это сделают другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Кулагин. Глобальная или мировая безопасность? // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики // <http://www.intertrends.ru> (дата обращения: 25.12.2012).
2. Buzan, Barry, Weaver, Ole. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 44.
3. Buzan, Barry. New patterns of global security in the twenty-first century // *International Affairs*. — Vol. 67. — No. 3 (July 1991): 433.
4. Фукуяма Ф. *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*. — М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 220, [4] с. (Philosophy). — С. 31.
5. Buzan, Barry, Weaver, Ole. *Op. cit.* P. 426.

6. Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 7.
7. Stratfor. — 2012, 24 мая // <http://inozpress.kg> (дата обращения: 26.12.2012).
8. Мухит Асанбаев, Лязат Умирзакова. Новая форма религиозного экстремизма в Казахстане: деструктивные секты и культы // *Центральная Азия и Кавказ*. — 2009. — №1 (61). — С. 52.
9. Бурнашев Р., Черных И. *Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности)*. — Алматы: Казахстанско-Немецкий университет, 2006. — С. 214.
10. Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Денпасар, 24 февраля 1976 г.), Ст. 2 // <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 06.01.2013).

Восприятие населением и экспертами евразийской интеграции как фактора повышения конкурентоспособности Казахстана

ТУРЕХАНОВА Б.К.,
БАЙМАГАНОВА К.Т.,
КАЛМЫКОВ С.К.

Институт Евразийской интеграции в августе 2013 г. провел комплексное социологическое исследование восприятия населением и экспертным сообществом Казахстана процессов евразийской интеграции. В том числе была затронута тема влияния интеграционных процессов на развитие страны, в частности на рост ее конкурентоспособности. Опрос населения был проведен по общенациональной выборке в 14-ти областях Республики Казахстан, а также в городах Алматы и Астане. В целом исследованием было охвачено 17 городских и 27 сельских населенных пунктов. Объем выборочной совокупности составил 1 200 респондентов. Результаты социологического опроса являются репрезентативными с учетом предельной ошибки выборки на уровне $\pm 2,83\%$ при ДИ 95%.

Анкетным опросом были охвачены 80 экспертов из всех регионов страны, в целевую группу были включены политологи, социологи, философы, экономисты, преподаватели, журналисты, работники PR, НПО, общественные деятели, госслужащие, аналитики, сотрудники международных интеграционных объединений. В ходе исследования был проведен ряд глубинных интервью с экспертами.

Евразийский интеграционный проект, идея создания которого впервые была озвучена Президентом РК Н.А. Назарбаевым во время лекции в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1994 г., сегодня проходит

через очередной этап развития — Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

В контексте участия в этих интеграционных объединениях в своей внутренней и внешней политике Казахстану теперь приходится учитывать не только собственные интересы, но и интересы стран-партнеров, синхронизировать с ними экономические инструменты, принимать во внимание возможность, а порой даже и необходимость создания совместных проектов. Ступая на путь интеграции, Казахстан также рассчитывает на содействие стран-партнеров для решения ряда задач своего развития.

В современном мире конкурентоспособность отдельных государств во многом зависит от их готовности включиться в глобальную систему. Активное участие государства в интеграционных процессах разного уровня имеет стратегический характер, так как позволяет, во-первых, рассчитывать на повышение политического веса страны, который дает право на участие в выработке глобальных политических решений, во-вторых, совместно с другими государствами эффективно решать вопросы внутреннего развития.

Объединение государств, помимо этого, дает возможность комплексно и всесторонне подходить к решению таких глобальных вызовов, как продовольственный кризис, крупные экологические проблемы, международные конфликты, терроризм и наркотрафик.

Интеграция является неоспоримо важным фактором развития любого государства в современном мире. Опрошенные в ходе исследования эксперты были единодушны в том, что для дальнейшего успешного развития Казахстану необходимо участвовать в интеграционных процессах.

Какое же место занимают интеграционные процессы в общественно-политических приоритетах жителей страны? Считают ли казахстанцы интеграцию перспективным для страны направлением развития?

По итогам опроса обозначилось существующее у казахстанцев представление о приоритетных задачах, к решению которых Казахстан в первую очередь должен стремиться в своем развитии.

На первом месте в системе общественно-политических ориентиров развития страны стоит задача достичь уровня развитых демократических государств. Его назвали почти половина опрошенных (47,9%) респондентов (табл. 1). В ряду первоочередных задач респондентами озвучено становление Казахстана как индустриально развитой страны (35,6%).

Для 18% опрошенных первоочередным является достижение Казахстаном регионального лидерства в Центральной Азии — этот вариант ответа оказался третьим по важности направлением дальнейшего развития Казахстана. 15,2% населения считают, что Казахстан должен стремиться стать сильной державой с военной мощью.

В пятерку наиболее ожидаемых направлений развития входят и интеграционные ожидания жителей страны. Так, 14,9% казахстанцев считают, что государство должно стремиться к объединению с другими странами для образования сильного союза. Чаще других считают важными интеграционные процессы респонденты более зрелого возраста 45—54-х лет (19,5%), с высшим и неоконченным высшим образованием (20—24%), государственные служащие (21,3%). На ощущение значимости интеграции для государства влияет и уровень материальной обеспеченности опрошенных: о необходимости объединения с другими государствами в сильный союз чаще говорят респонденты со сниженными материальными возможностями (те, кто отнес себя к категории «доходов хватает только на питание») — 22%.

Табл. 1. Распределение ответов на вопрос: «К чему должен стремиться Казахстан в своем развитии в первую очередь?»*, (опрос населения)

Ориентир	Доля в %
Стать развитым демократическим государством	47,9%
Стать индустриально развитой страной	35,6%
Стать лидером в Центральной Азии	18,0%
Стать сильной державой с военной мощью	15,2%
Объединиться с другими странами в сильный союз	14,9%
Стать центром международного бизнеса и торговли	9,0%
Стать государством, привлекательным для крупных инвесторов	8,3%
Стать центром международного туризма	5,9%
Стать центром международного образования и интеллектуальных технологий	5,2%
Затрудняюсь ответить	1,5%

* Респондентам давалась возможность выбрать два варианта ответа.

Необходимость интеграции Республики Казахстан с другими странами все сильнее осознается казахстанским обществом, становится частью его мировоззрения. Это подтверждается тем фактом, что лишь 4,9% опрошенных казахстанцев считают, что Казахстан вообще не нуждается в интеграции.

Так как интеграция с другими странами, по мнению большинства респондентов, отвечает интересам Казахстана, следовательно, вопрос выбора государств — партнеров по интеграции напрямую связан с успешностью реализации совместных проектов.

Многовекторность внешней политики Казахстана находит отражение и в интеграционных ориентациях граждан страны. Казахстанцы видят перспективными различные направления интеграции, но наибольшую заинтересованность проявляют к уже реализуемому евразийскому проекту. 30,4% опрошенных выбрали это направление как в наибольшей степени совпадающее с интересами страны (табл. 2). Конкуренцию этому направлению составляет интеграция со странами Европейского Союза, в которой заинтересована также значительная часть казахстанцев.

Конкурирующими эти направления можно назвать и в силу того, что поддержку им оказывают почти одни и те же социальные группы: достаточно обеспеченные люди, с высшим образованием, в возрасте от 25-ти до 34-х лет (в случае евразийского проекта — от 25-ти до 44-х лет). Различия состоят в том, что евразийский проект поддерживают чаще госслужащие, интеграцию с Европейским Союзом — бюджетники и самозанятые. Имеет влияние и фактор этнической принадлежности: логичным образом русские чаще считают евразийское направление с участием Российской Федерации в большей степени отвечающим интересам Казахстана, в то время как в пользу европейского направления они высказываются реже других.

Одновременно с этим значительной поддержкой пользуется идея интеграции со странами — бывшими республиками СССР. 18,4% опрошенных считают это направление отвечающим интересам Казахстана. Надо отметить, что это направление непопулярно среди молодых людей в возрасте от 18-ти до 34-х лет, студентов. Чаще такой вариант интеграции поддерживают респонденты с невысоким уровнем достатка, со среднеспециальным образованием, русскими.

Идея интеграции с Китаем занимает четвертое место в списке предпочитаемых направлений, его поддерживают 15,3% опрошенных респондентов. Надо отметить, что такое же количество опрошенных считают Китай той страной, с которой Казахстану необхо-

димо сближаться для усиления своих позиций на мировой арене. Большую заинтересованность проявляют люди обеспеченные, занятые в частном секторе, а также респонденты с незаконченным высшим образованием, студенты.

Табл. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какое из интеграционных направлений, на Ваш взгляд, в большей степени отвечает интересам Казахстана»

Варианты ответов	Доля ответов, в %
Интеграция в рамках Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) (Казахстан, Россия, Беларусь)	30,4%
Интеграция со странами Европейского Союза	30,1%
Интеграция со странами бывшего СССР	18,4%
Интеграция с Китаем	15,3%
Интеграция со странами Центральной Азии (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан)	8,1%
Интеграция со странами тюркоязычного мира (Турция, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан)	6,8%
Интеграция со странами исламского мира	3%
Казахстан не нуждается в интеграции	4,9%
Ни одно из перечисленных	3,2%
Другое	1%
Затрудняюсь ответить	10,8%

* Респондентам предоставлялась возможность выбрать два варианта ответа.

В ходе глубинных интервью опрошенными экспертами отмечалось, что Китай постепенно становится одним из приоритетных направлений сотрудничества, которое требует более пристального внимания. По их мнению, двустороннее сотрудничество Казахстана с Китаем уже выходит сейчас на уровень конкуренции с российским. По оценкам экспертов, товарооборот Казахстана с этими двумя странами уже фактически сравнялся по объему, достигнув почти 25-ти миллиардов и с Россией, и с Китаем. Эксперты не исключают, что это будет еще одна сфера притяжения Казахстана, поддерживаемая в рамках китайской программы по включению Казахстана в сферу своих экономических интересов. В то же время среди экспертов есть и иные мнения, согласно которым у Казахстана есть «естественные союзники», к числу которых относятся страны бывшего СССР,

и прежде всего Россия. Евразийское направление внешней политики Казахстана, по их мнению, имеет естественные основания, в то время как другие направления (Индия, Китай, Евросоюз) неперспективны, прежде всего, потому, что Казахстан не представляет для них значимого интереса.

Другие направления интеграции: со странами Центральной Азии или с государствами тюркского мира (Турция, Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан) пока не воспринимаются населением как отвечающие интересам Казахстана, их отметили всего 6—8% опрошенных.

Возвращаясь к оценке евразийского интеграционного проекта, необходимо отметить, что на сегодняшний момент он уже имеет широкую общественную поддержку. С момента создания Таможенного союза прошло около трех лет и год — с начала функционирования Единого экономического пространства (ЕАП), и сегодня в обществе уже сложилось определенное представление о влиянии интеграции на развитие страны. Результаты исследования свидетельствуют, что в казахстанском обществе начинает преобладать позитивно-оптимистичный взгляд на настоящее и будущее интеграции.

Оценивая результативность нахождения страны в составе ТС, большинство опрошенных казахстанцев (46,3%) согласны с тем, что членство в Таможенном союзе идет на пользу Казахстану и открывает новые возможности для его развития. Не согласен с данным утверждением каждый пятый респондент (19,5%). Около трети опрошенных затрудняются с ответом. Основной положительный эффект, который был замечен респондентами, — это облегченный формат передвижения граждан между странами ТС, а также расширение ассортимента товаров и продуктов питания. Дополнительно к этому две трети опрошенных (74,9%) считают, что интеграция с Россией и Беларусью выгодна Казахстану. Противоположной точки зрения придерживаются лишь 10,5% респондентов.

В отношении будущего евразийской интеграции для общественного мнения характерен оптимистичный взгляд. Высоким уровнем общественной поддержки пользуется идея создания Евразийского экономического союза. Большинство опрошенных казахстанцев (76,4%) считают создание Евразийского экономического союза необходимым. В экспертной выборке с необходимостью развития интеграционного процесса по пути создания Евразийского союза согласны 83,7% опрошенных. Широко распространены в обществе и мнения о реалистичности и жизнеспособности евразийского инте-

грационного проекта в будущем. Так, в целом 80% респондентов считают возможным, что интеграция в дальнейшем будет углубляться в рамках ЕАС. В экспертной среде уверенность в жизнеспособности евразийского проекта выше: 90,2% опрошенных экспертов считают дальнейшее углубление интеграции и создание ЕАС возможным.

В ходе опроса экспертам и населению было предложено озвучить, какие интересы, на их взгляд, преследует Казахстан, участвуя в евразийских интеграционных объединениях.

Ключевым стратегическим интересом Казахстана в процессе евразийской интеграции, по мнению казахстанцев, является доступ на рынки стран-партнеров. Этот вариант оказался на первом месте рейтинга, его назвали около 35,8% населения и 54,5% экспертов.

По мнению 29,6% населения, для Казахстана интеграция — это средство для вхождения в мировую экономическую систему. С ними солидарны 38,6% экспертов.

29,5% населения и 45,5% экспертов считают, что Казахстан участвует в интеграционных процессах, так как рассчитывает на совместный со странами-партнерами технологический прорыв, который обеспечит ему соответствующий экономический рост.

Пятая часть казахстанцев (22,9%) и 40,9% экспертов считают, что евразийская интеграция способствует укреплению внешней безопасности государства.

Несмотря на широко распространенные среди казахстанцев опасения относительно неконкурентоспособности местных производителей, а следовательно, потенциального наводнения рынка товарами производства партнеров Казахстана по Таможенному союзу, пятая часть опрошенных казахстанцев и треть экспертов видят заинтересованность республики в повышении конкурентоспособности отечественных товаров.

В рамках исследования группе экспертов было предложено оценить эффект для Казахстана от тех или иных действий и мер, принятых в рамках реализации Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Ранжирование при анализе ответов с оценкой значения принимаемых мер, действий, актов, которые могут положительно или отрицательно повлиять на евразийский процесс, позволило выявить, во-первых, степень их важности для нормального функционирования уже работающих интеграционных механизмов. Во-вторых, обнаружить более высокий уровень несогласованности, определенные не-

достатки и упущения, на устранение которых необходимо обратить большее внимание как на трудно решаемые проблемы.

Так, например, по мнению экспертов, наиболее положительный эффект для Казахстана, а точнее для казахстанских производителей, должно дать обеспечение максимальной свободы перемещения товаров. С этим согласны наибольшее число опрошенных экспертов, отвечавших на этот вопрос анкеты — 93% (табл. 3). При этом однозначно считают, что окажет только «положительный» эффект 48% экспертов и что эффект будет «скорее положительный» — 44,2%. Об отрицательном эффекте для Казахстана говорят лишь 7% опрошенных экспертов.

Табл. 3. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, какой эффект для Казахстана имеют или будут иметь следующие действия в рамках Таможенного союза и реализации проекта Единого экономического пространства?»

		Положительный и скорее положительный	Скорее отрицательный и отрицательный	3/0
1	Обеспечение свободы перемещения товаров	93,0	7,0	—
2	Создание единой таможенной территории	90,9	9,1	—
3	Гармонизация миграционного законодательства	90,8	6,8	2,3
4	Согласование макроэкономической политики	88,8	11,2	—
5	Гармонизация трудового законодательства	88,7	9,0	2,3
6	Введение единых принципов и правил технического регулирования	88,6	11,4	—
7	Обеспечение свободы перемещения услуг	86,4	13,6	—
8	Обеспечение свободы перемещения человеческого капитала	86,1	11,6	2,3
9	Создание единого оборонного пространства	81,4	18,6	—

Продолжение

10	Обеспечение свободы перемещения финансового капитала	79,0	18,6	2,4
11	Обеспечение доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, транспортировки газа	77,3	11,3	11,4
12	Введение единых принципов регулирования естественных монополий	75,0	13,6	11,4
13	Координация внешней политики	75,0	18,1	6,8
14	Создание наднациональных экономических структур	65,2	27,9	6,9
15	Создание единой валюты	51,3	39,5	9,3
16	Создание наднациональных политических структур	51,1	41,9	7,0
17	Создание единой банковской системы	48,9	39,6	11,5

Аналогичным образом складывается мнение и среди опрошенных казахстанцев, большинство из которых (82%) считают, что свободное перемещение товаров и услуг по территории ТС благотворно скажется на развитии страны.

Дополнительно к этому 86,4% опрошенных экспертов видят положительный эффект и в свободном перемещении услуг на территории ТС.

В ходе интервью экспертами подчеркивалась важность создания прецедента «открытых границ» для отечественных производителей, которые будут вынуждены конкурировать в одних и тех же экономических нишах с российским и белорусским бизнесом. Не отвергая факта того, что поначалу конкуренция будет очень сложным испытанием для казахстанского бизнеса, тем не менее эксперты подчеркивают необходимость прохождения через данный этап, эффект от которого проявится в долгосрочной перспективе. В ином случае, существуя в рамках одной лишь страны, отечественный бизнес так и не сделает необходимый для него рывок в развитии собственной конкурентоспособности и не найдет своей специфической экономической ниши.

Одновременно с этим обеспечение свободного перемещения товаров и услуг — это наиболее актуальная правовая и экономическая задача нынешнего интеграционного этапа движения к созданию

общего экономического пространства, основа успешной реализации всех параметров взаимодействия в рамках Таможенного союза.

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, участвуя в заседании Высшего Евразийского экономического совета в Минске, обратил внимание на тот факт, что, наряду с увеличением доли импорта в Казахстан из стран ЕЭП, в то же время сохраняются серьезные трудности для доступа казахстанской продукции на рынки России и Беларуси. Например, казахстанские мясопродукты находятся в заведомо «непроходных» условиях, так как в России к ним применяются нормы, отсутствующие в санитарных сертификатах Казахстана. Похожие примеры отмечаются и с поставками белорусских продовольственных товаров на рынок России, где введены новые, не согласованные заранее с партнерами, технические регламенты, приняты повышенные санитарные и фитосанитарные нормы.

Статистика свидетельствует, что пока в торговле с Россией, основным партнером в СНГ, несмотря на рост товарооборота, у Казахстана сложилось довольно устойчивое отрицательное сальдо, выявлены более 30-ти различных ограничений доступа казахстанских предпринимателей на рынки стран ТС [1].

Подобное положение вызывает негативные комментарии со стороны экспертов, в то же время прозвучали отдельные мнения, согласно которым сложившееся положение отчасти способствует «закалке» как казахстанского бизнеса, так и переговорщиков, воспитывает бойцовские качества, дает опыт ведения «торговых войн» на территории ТС. В будущем, при вступлении Казахстана в ВТО, казахстанский бизнес уже будет иметь опыт и определенную устойчивость в конкуренции на мировом уровне.

В своих комментариях эксперты, подтверждая наличие на данном этапе рассогласованности в действиях стран-участников, а также фактов применения нетарифных методов регулирования к казахстанской продукции со стороны стран — партнеров по ТС, предлагают собственное видение мер по выходу из ситуации.

Эксперты говорят о необходимости в ближайшей перспективе странам ЕАП сосредоточиться на узконаправленных интеграционных проектах на базе конкретных сфер, отраслей, в которых должны быть четко просчитаны взаимные интересы участников и ожидаемая результативность.

Говоря об объективных барьерах на пути свободного освоения рынков на территории ТС, эксперты подчеркивают тот факт, что страны-участники по многим позициям выпускают однопорядко-

вую продукцию: нефть, нефтепродукты, газ, металлы, зерновые и т.д., что приводит к конкуренции между странами за экспорт на внешние рынки. В этом случае, по словам доктора экономических наук, профессора Р. Алшанова, выход видится в создании определенных пулов по отдельным видам товаров, в частности зернового пула между Россией, Казахстаном и Украиной. Так, по словам Могенса Лунда, аналитика отрасли аграрной экономики Университета Копенгагена, в случае создания подобного зернового пула, Россия, Казахстан и Украина через 5—8 лет могут стать крупнейшими экспортерами пшеницы, составив конкуренцию США. Сотрудничество в экспортной политике поможет странам усилить позиции на рынке, уменьшить ценовую конкуренцию и стабилизировать экспортные цены на зерно. Несмотря на то, что пока попытки создания пула не удаются, согласно данным ИА «Казах-Зерно», России, Казахстану и Украине на данный момент удалось отвоевать рынок в 27% (в начале нулевых он составлял 13%) [2].

Такой же принцип мог быть эффективным и по другим видам товаров: от минеральных ресурсов до сельскохозяйственной продукции.

Опрошенные эксперты подавляющим большинством также отметили важность введения единой таможенной территории. 90,9% считают, что это, несомненно, принесет высокий положительный эффект, и всего 9,1% сомневаются в этом.

Следующие по важности проблемы, которые могут значительно повлиять на успех всего интеграционного проекта, связаны с необходимостью гармонизации миграционного и трудового законодательства, создания условий для свободного перемещения человеческого капитала.

Эффект от успешного решения всех проблем в этой сфере отношений и процессов эксперты признают как положительный: 86,1% — в обеспечении свободы перемещения человеческого капитала, 88,6% — в гармонизации трудового законодательства и 90,9% — в гармонизации миграционного законодательства. Поддерживает эту идею свободного перемещения и значительная группа опрошенного населения.

Экономический эффект ратификации соглашений в области трудовой миграции непосредственно для стран — участников ЕЭП связан со многими факторами. Это, прежде всего, рациональное перераспределение рабочей силы, в том числе высококвалифицированной, направленное на упорядочение миграционных потоков, повы-

шение степени защищенности иностранных работников от рисков и угроз, связанных с нелегальной занятостью, и сокращение расходов на сдерживание нелегальной миграции.

88,8% казахстанских экспертов подчеркнули значительный эффект для успешности всего евразийского интеграционного процесса процедур согласования макроэкономической политики с другими государствами-участниками. Это необходимо продвигать вне зависимости от наличного или полагаемого уровня суверенности своего и других государств. В координации такого рода взаимодействия необходимо повышение роли наднациональных управленческих и организационных структур.

Положительное воздействие на весь ход интеграции в обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, транспортировки газа отмечается 77,3% экспертов, но в то же время 11,3% из них посчитали, что эффект от этого доступа может быть отрицательный. Введение единых принципов регулирования естественных монополий как полезную меру поддержали 75% экспертов, подчеркнули отрицательный эффект этого введения 13,6%. Отрицательные оценки экспертов, скорее всего, связаны с негативными впечатлениями от проникновения в энергетическую сферу Казахстана иностранных компаний-монополистов.

Более скептическое отношение экспертов проявляется по отношению к созданию наднациональных структур в сфере экономического регулирования. Хотя отношение большинства экспертов в целом положительное (65,2%), в то же время более четверти (27,9%) из них считают, что создание подобных органов отрицательно скажется на развитии страны. Еще более настороженно эксперты отнеслись к созданию наднациональных политических структур в рамках евразийской интеграции — чуть более 50% в целом одобряют, но почти 42% считают последствия их создания отрицательными.

Наименьшее предпочтение как эффективной интеграционной мере высказали эксперты в отношении создания единой валюты и единой банковской системы Таможенного союза. В то же время подчеркивается ее большая значимость, но невысокая востребованность на сегодняшнем этапе развития интеграционных процессов. Положительный эффект для Казахстана ожидают от создания единой валюты 51,2% опрошенных казахстанских экспертов, но 39,5% считают, что для страны будут от этого отрицательные последствия. Соответственно, почти такое же отношение проявили эксперты и к созданию единой банковской системы (48,9 и 39,6%).

Разъяснения, прозвучавшие от действовавшего на тот момент председателя Национального банка Казахстана Григория Марченко, вполне коррелируются с высказанными в опросе мнениями экспертов. Ключевой здесь становится точка зрения, высказанная Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, который еще в 2011 г. в своем интервью РИА Новости отмечал, что, исходя из логики запущенных в рамках Таможенного союза интеграционных процессов, рано или поздно должна появиться общая денежная единица.

Эта проблема содержит в себе, как выясняется, два важных и взаимосвязанных аспекта: технологический и политический. Введению единой валюты в рамках Таможенного союза должна предшествовать долгая подготовительная работа.

Во-первых, речь идет о создании единого Центробанка союза, что предполагает объединение финансовых систем стран — участников интеграции. Необходимо определиться с условиями разграничений полномочий между Центробанком ТС и центробанками стран-членов. Принципы денежно-кредитной политики стран — участников ТС во многом сходны, но в практике проведения денежно-кредитной политики имеются различия. Только после их устранения, возможно, будут созданы полные условия для ввода понятия «общая денежная единица» и ее названия.

Во-вторых, политический момент, где не все так просто. Президентом Казахстана четко была высказана позиция о том, что расчетной единицей ТС должна стать новая валюта, а не одна из уже существующих. Этот момент является важным с точки зрения подтверждения выгоды и равноправности единого экономического пространства.

В то же время все участники интеграционного движения понимают, что выгоды от единой валюты состоят в том, что окончательно снимаются все барьеры на пути не только товаров, но и капиталов между странами.

В итоге необходимо отметить, что как среди населения, так и в экспертном сообществе преобладают положительные оценки участия Казахстана в евразийских интеграционных процессах. Интеграция уже начинает восприниматься общественным мнением в качестве необходимого компонента решения задач как глобального масштаба, так и касающихся внутреннего развития страны и становится частью мировоззренческой системы казахстанцев. Участие Казахстана в интеграционных образованиях перестало быть чем-то

феноменальным в восприятии населения, плавно перейдя в разряд важных внешнеполитических приоритетов страны.

Несомненно, казахстанское общество видит потенциал участия в евразийской интеграции не только в том, что будут открыты границы для перемещения людей, товаров и услуг по территории ТС, но и отмечает значительную роль евразийского проекта в наращивании конкурентных преимуществ страны и казахстанского бизнеса. Несмотря на определенные сложности первоначального периода евразийского интеграционного проекта, казахстанцы выражают уверенность, что в долгосрочной перспективе значительная часть предусмотренных проектом мер (обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, трудовых ресурсов, гармонизация законодательства для облегчения функционирования этих свобод, координация усилий государств на макроэкономическом уровне) будет способствовать развитию Казахстана, возрастанию его экономической мощи.

Отмечая наличие определенной рассогласованности действий стран — участников евразийской интеграции на современном этапе, экспертное сообщество считает, что эти временные явления должны придать новый импульс в осмыслении и нахождении государствами иных форматов взаимодействия, перепрофилировании интеграционных проектов на узконаправленную отраслевую специализацию и ориентированность на результат. Необходимой экспертному сообществу видится дальнейшая кропотливая работа над реализацией принятых договоренностей с учетом реалий и взаимных интересов, уход от политизации вопросов интеграционного развития и строгое обеспечение соблюдения принципа прагматизма и равноправности Единого экономического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Растет товарооборот, растет и отрицательное сальдо // Деловой портал «Капитал». — 2013, 23 октября // <http://kapital.kz>.
2. ЕС не нравится желание Украины создать зерновой пул с Россией и Казахстаном // Сайт ИА «Казах-Зерно». — 2013, 21 октября // <http://kazakh-zerno.kz>.

Уроки Туркменистана: макроэкономика, энергетика, политика «позитивного нейтралитета и открытых дверей»

КАЗИЕВА Р.К.

В новейшей истории глобальных социоэкономических трансформаций некоторые страны мирового сообщества выступают в роли своеобразных акторов, преподающих и получающих уроки преобразований в специфических условиях.

Урок 1. Макроэкономические достижения

Характерно описание текущего состояния и динамики социоэкономического развития Туркменистана, приведенное на аналитической странице Всемирного банка: «Предварительные итоги экономического развития за прошедший год (2012) указывают на то, что туркменская экономика остается устойчивой по отношению к неопределенности мировой экономической ситуации, вызванной, прежде всего, кризисом в еврозоне... Социальные показатели в прошедшем году продемонстрировали улучшение, соизмеримое с текущими экономическими показателями страны» [1].

Декларируемая политика «позитивного нейтралитета и открытых дверей», которая балансирует на грани изоляционизма, в конкретный исторический период глобальных и региональных кризисов привела к успешным и стабильным макроэкономическим результатам.

Справедливости ради, следует обратить внимание на крайнюю скупость статистической информации из Туркменистана, которая не позволяет сделать глубокий многофакторный анализ ситуации*.

* См., например, данные Государственного комитета Туркменистана по статистике // <http://www.stat.gov.tm/ru/>.

(Поэтому примечательно, что среди проектов и программ Всемирного банка в Туркменистане выделяется такой, как *проект по Укреплению статистического потенциала*, Программа фонда развития гражданского общества, в настоящее время трансформировавшаяся в Программу глобального партнерства в целях социальной подотчетности).

Имеющиеся данные свидетельствуют об устойчивости макроэкономических индикаторов, а темпы роста ВВП — стабильно выше соответствующего среднего показателя по странам СНГ.

Табл. 1. Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в % к предыдущему году)

Страны СНГ*	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Азербайджан	109,9	126,4	134,5	125,0	110,8	109,3	105,0	100,1	102,2
Армения	109,6	113,9	113,2	113,7	106,9	85,9	102,1	104,4	107,2
Беларусь	104,7	109,4	110,0	108,6	110,2	100,2	107,6	105,3	101,5
Казахстан	113,5	109,7	110,7	108,9	103,3	101,2	107,3	107,5	105,0
Кыргызстан	105,3	99,8	103,1	108,5	108,4	102,9	98,6	105,7	99,1
Молдова	106,1	107,5	104,8	103,0	107,8	94,0	106,9	106,7	99,2
Россия	105,1	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,0	104,3	103,4
Таджикистан	109,6	106,7	107,0	107,8	107,9	103,9	106,5	107,4	107,5
Туркменистан	...	113,3	...	111,0	114,7	106,1	109,2	114,7	111,1
Узбекистан	104,5	107,0	107,5	109,5	109,0	108,1	108,5	108,3	108,2
Украина	109,2	102,7	107,3	107,9	102,3	85,2	104,2	105,2	100,2
В среднем по странам СНГ	106,0	106,7	108,7	108,8	105,3	93,1	104,5	104,7	104,0

* Страны, которые подписали и ратифицировали Соглашение о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. и Протокол к этому соглашению от 21 декабря 1991 г.

Источник: Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States // <http://www.cisstat.com>. Данные за 2012 г. // <https://www.cia.gov>.

Другой макроэкономический индикатор — Валовой национальный доход на душу населения (GNI per capita), рассчитываемый по специализированной методике Atlas, позволяет Всемирному банку (в соответствии с данной классификацией) отнести Туркменистан к группе «стран с доходами выше среднего». На 2012 г. по этому показателю Туркменистан занимает 4 место среди стран содружества независимых государств.

Табл. 2. Валовой национальный доход на душу населения

Страны СНГ	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	долл. США (текущий курс)	в % к предыдущему году	долл. США (текущий курс)	в % к предыдущему году	долл. США (текущий курс)	в % к предыдущему году	долл. США (текущий курс)	в % к предыдущему году
Azerbaijan	4 800	124,03	5 380	112,08	5 290	98,33	6 050	114,37
Armenia	3 180	92,17	3 330	104,72	3 490	104,80	3 720	106,59
Belarus	5 590	102,19	5 990	107,15	6 270	104,67	6 530	104,15
Kazakhstan	6 780	110,24	7 440	109,73	8 200	110,21	9 730	118,66
Kyrgyzstan	860	111,69	840	97,67	900	107,14	990	110
Moldova	1 570	104,67	1 820	115,92	1 980	108,79	2 070	104,54
Russia	9 290	95,67	10 000	107,64	10 810	108,1	12 700	117,48
Tajikistan	650	114,03	730	112,31	780	106,85	860	110,26
Turkmenistan	3 570	117,05	4 110	115,13	4 920	119,71	5 550	112,8
Uzbekistan	1 130	117,71	1 310	115,93	1 500	114,5	1 720	114,67
Ukraine	2 840	88,2	2 990	105,28	3 150	105,35	3 500	111,11

Источник: Country and Lending Groups. The World Bank // <http://data.worldbank.org>.

Центральная Азия на современной политической карте — один из регионов средоточия традиционных источников энергии — углеводородных ресурсов. Эти ресурсы остаются в центре политико-экономического внимания и продолжают моделировать поведение и мотивацию участников так называемой «Большой игры». Современный Туркменистан — исторически молодой участник этой игры. Энергетическая тактика и стратегия этого участника заслуживают особого внимания. Отдельные уроки можно расценивать как достижения (на заметку другим).

Начнем с первого шага SWOT — анализа энергетической политики Туркменистана как своеобразного моментального снимка текущей ситуации.

Урок 2. Большая игра продолжается: о честности, информационной открытости и репутации

«Game Over?» так назвал свою статью М. Denison [2], имея в виду достижения и перспективы разработки сланцевых нефти и газа. Однако по динамике международных переговорных процессов и продви-

жению проектов по добыче, переработке и транспортировке традиционных углеводородов можно утверждать, что Большая игра не только продолжается, но и выходит на очередной виток. И здесь важно как для Туркменистана, так и других участников формировать такую линию поведения, которая соответствует имиджу «солидного и добро-совестного игрока». Международный аудит запасов, открытость информации — центральная составляющая подобной репутации.

Согласно Отчету ВР* по мировой энергетике — 2013, Туркменистан по запасам газа, несмотря на пересмотр оценок, сохранил за собой четвертую позицию в мировой двадцатке.

Табл. 3. SWOT-анализ «Туркменистан: энергетическая политика»

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Запасы углеводородов: Туркменистан является четвертым (если принять во внимание данные текущих аудитов, то — вторым) в мире государством по объему газовых запасов, что делает его ценным <i>призом</i> в новой Большой игре	1. Относительно небольшой исторический опыт политико-экономического участия в Большой игре
2. Политико-экономические интересы США, Европы и Туркменистана на данном историческом этапе совпадают	2. Разобщенность стран Центральной Азии
	3. Противоречивость политики позитивного нейтралитета и «открытых дверей»
Возможности	Угрозы (вызовы)
1. Диверсификация торговли углеводородами — экономические выгоды	1. Превратиться в «пешку» в Большой игре
2. Диверсификация политики — политические дивиденды (возможности стать новым самостоятельным и значимым игроком в Большой игре)	2. «Альтернативная» энергетика, в том числе «альтернативные» углеводороды (например, «сланцевые»)

Обзор ВР за июнь 2013 г. показывает, что запасы газов Туркменистана сокращены с 24,3 до 17,5 трлн м³ по причине перевода данных на учет по западной системе аудита.

Однако следует обратить внимание на то, что компания Gaffney, Cline & Associates (GCA) (Великобритания) проводит независимый аудит запасов месторождения по той же системе, что и ВР. Согласно этим докладам, комбинированные наиболее точные оценки запа-

* ВР — до мая 2001 г. компания носила название *British Petroleum*, впоследствии — *Beyond Petroleum* — вторая в мире по величине публично торгующаяся британская нефтегазовая компания

сов газа только на месторождениях Йолатань и Яшлар составляют 19,05 трлн м³ (16,4 + 2,65 = 19,05).

Табл. 4. **Мировая классификация — Газовые ресурсы — Двадцатка стран — обладателей крупнейших запасов газа**

Страна	Ресурсы — на конец 2011 г. (трлн куб.)	Мировой рейтинг — на конец 2011 г.	Ресурсы — на конец 2012 г. (трлн куб.)	Мировой рейтинг — на конец 2012 г.
Россия	44,6	1	32,9	2
Иран	33,1	2	33,6	1
Катар	25,0	3	25,1	3
Туркменистан	24,3	4	17,5	4
США	8,5	5	8,5	5
Саудовская Аравия	8,2	6	8,2	6
ОАЭ	6,1	7	6,1	7
Венесуэла	5,5	8	5,6	8
Нигерия	5,1	9	5,2	9
Алжир	4,5	10	4,5	10
Австралия	3,8	11	3,8	11
Ирак	3,6	12	3,6	12
Китай	3,1	13	3,1	13
Индонезия	3,0	14	2,9	14
Малайзия	2,4	15	1,3	18
Норвегия	2,1	16	2,1	15
Канада	2,0	17	2,0	16
Казахстан	1,9	18	1,3	19
Кувейт	1,8	19	1,8	17
Узбекистан	1,6	20	1,1	20

Источник: Статистический обзор за июнь 2013 г. // <http://www.bp.com>.

Кроме названных, в Туркменистане есть и другие газовые месторождения [3]:

- Багтыярлык (разрабатывается китайской корпорацией CNPC на правом берегу реки Амударья в соответствии с соглашением о разделе продукции). Запасы Багтыярлыка оцениваются в 3 трлн м³.
- Довлетабад — первое крупное месторождение, запасы которого были подтверждены GCA. Запасы месторождения оцениваются в 2 трлн м³.

Как бы то ни было, от безоговорочных обвинений Туркменистана в заведомом блефе российские аналитики в последнее время стали делать более осторожные заявления, например, такие: «...что же

касается заявленных туркменских запасов, которые оцениваются в 26 трлн м³ — это оптимистический вариант. В худшем случае запасы составляют 21 м³. Но и этого количества хватит, чтобы удовлетворить потребности Китая, Индии с Пакистаном, Европы и в придачу еще и России. Поэтому говорить о том, что у Туркменистана мало газа, — по меньшей мере глупость» [4].

И другой аспект *Урока 2*. Насколько актуален урок открытости и добросовестности в сфере информации на рынке энергоресурсов, подтверждает тот факт, что в феврале 2013 г. Глава Российской Федерации на президентской комиссии по ТЭК дал поручение снять гриф секретности с запасов полезных ископаемых.

Урок 3. Многовекторная энергетическая стратегия

Энергетическая стратегия Туркменистана не ограничивается только экспортом сырья. Ключевыми составляющими стратегии являются:

- комплексная модернизация предприятий нефтехимической отрасли;
- строительство новых газо- и нефтеперерабатывающих производств;
- развитие альтернативной энергетики.

Вот несколько практических примеров реализации данной стратегии:

Туркменбашинский комплекс нефтеперерабатывающих заводов, в реконструкцию и модернизацию которого вложено более 1,6 млрд долл. США.

Новые топливные и нефтехимические установки, построенные на ТКНПЗ с участием крупных фирм и компаний из Германии, Ирана, Израиля, США, Турции, Франции, Японии, по своим техническим характеристикам не имеют аналогов в регионе. Ввод их в действие стал технологическим прорывом в нефтехимической промышленности Туркменистана.

Значимая роль в экономике Туркменистана отводится электроэнергетике. Потенциал отрасли, благодаря построенным в разных регионах страны новым электростанциям и линиям электропередачи, позволяет не только обеспечивать отечественных потребителей, но и поставлять туркменскую электроэнергию в Турцию, Иран, Афганистан.

В ближайшие годы намечено «закольцевать» энергосистему страны. С целью увеличения объемов экспортных поставок электроэнер-

гии в восточном направлении будут реконструированы энергоблоки Марыйской государственной электростанции, а также построена ЛЭП-500 от Марыйской ГРЭС до границы Туркменистана с Афганистаном [5].

Урок 4. Политико-энергетическая диверсификация: вступление в Большую игру

Начало энергетическому диалогу Туркменистана с Европой было положено в ходе визита Президента Туркменистана в ноябре 2007 г. в Брюссель. Именно в тот период Глава Туркменистана встретился с руководством Европейской комиссии, Европейского парламента, с рядом ключевых фигур. Далее состоялось несколько визитов комиссара по энергетике ЕС в Туркменистан. В 2008 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве в области энергетики с ЕС. Крупные европейские компании стали вести переговоры с Туркменистаном по вопросам участия в нефтегазовом секторе страны.

В январе 2011 г. в ходе визита председателя ЕС Комиссии Жозе Мануэла Баррозу в г. Ашхабад были достигнуты договоренности о создании совместной рабочей группы между Евросоюзом и Туркменистаном. Рабочая группа провела первое заседание, и сразу после этого к ней присоединился Азербайджан. Сегодня в трехстороннем формате ведется работа по подготовке документа, закладывающего основные принципы поставок газа из Каспийского региона в европейском направлении.

Готовность к сотрудничеству с Турцией была продемонстрирована Туркменистаном в сентябре 2012 г., когда состоялось трехстороннее заседание Комиссии по энергетическим вопросам — Туркменистан — Азербайджан — Евросоюз. Тогда в качестве наблюдателя был приглашен министр энергетики и природных ресурсов Турции.

Сегодня Туркменистан готов поставлять свои энергоресурсы в различных направлениях — север, юг, восток, запад. Это, в частности, функционирующий трубопровод системы САЦ (Средняя Азия — Центр), новый газопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай, который будет еще расширяться.

Туркменистаном заключено контрактов на поставку 40 млрд м³ газа ежегодно. В ноябре 2011 г. в ходе официального визита Президента Туркменистана в Китай было подписано соглашение о поставках дополнительных 25 млрд м³ газа. Идет работа по оформлению этих объемов [6].

Двустороннее сотрудничество Туркменистан — Китай в энергетической области не ограничивается только лишь поставками туркменского природного газа в КНР. Китайская национальная нефтегазовая корпорация разворачивает активную деятельность по освоению договорной территории на правом берегу реки Амударья, где планирует самостоятельно добывать газ на условиях соглашения о разделе продукции. Существенную долю в объеме товарооборота занимают встречные поставки из Китая нефтегазового оборудования, хорошо зарекомендовавшего себя для работы в условиях Туркменистана. Развивается сотрудничество в подготовке кадров для нефтегазовой отрасли Туркменистана.

Газопроводы в южном направлении. Имеются два крупных магистральных газопровода в Иран: один — небольшой, локального значения в районе Артыка и два крупных — Корпедже — Куртку и Довлетабад — Серахс — Хангеран.

Одним из фокусных направлений продолжает оставаться проект строительства трубопровода ТАПИ (через Афганистан в Пакистан и Индию).

На международном уровне энергетическая политика и инициативы Туркменистана в этой области находят свою поддержку.

В Резолюции ООН по надежному и стабильному транзиту энергоносителей [7] с удовлетворением отмечается предложение правительства Туркменистана созвать в начале 2014 г. международное совещание экспертов, посвященное выполнению решений Конференции высокого уровня на тему «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», состоявшейся в г. Ашхабаде 23 апреля 2009 г.

В США высоко оценивают энергетическую политику Туркменистана и выдвинутые им позитивные инициативы, касающиеся обеспечения глобальной энергетической безопасности и развития широкого международного сотрудничества [8].

Урок 5. Оптимальная автономизация: политика «позитивного нейтралитета и открытых дверей»

Позиция Туркменистана в вопросах регионального политического и экономического сотрудничества принципиальным образом отличается от подходов многих стран, в том числе и Центральной Азии.

В основе одной из причин поиска «своего» пути — непростые отношения Туркменистана с соседними государствами и бывшими братскими странами по Советскому Союзу. Эти отношения остаются и на сегодняшний день в стадии урегулирования (в первую очередь политического).

Есть серьезные проблемы во взаимоотношениях с Узбекистаном (в т.ч. территориальные претензии).

В отношениях с Азербайджаном в фокусе разногласий — углеводородные месторождения в Каспийском море. Суть противоречий — ответ на вопрос: «Где пройдет средняя линия, разделяющая Каспий?».

С Ираном отношения также нельзя назвать абсолютно безоблачными не только из-за вопросов по Каспию, но и принимая во внимание взаимные интересы, объединяющие Ашхабад, Соединенные Штаты и НАТО.

Что же касается России, то здесь наблюдается целый сгусток противоречий: экономических, политических, социальных и т.д. Однако ключевым моментом, безусловно, является независимая и крепнущая энергетическая политика Туркменистана, которая, как считает, к примеру, аналитик компании RusEnergy М. Крутихин, раздражает Газпром [9].

Отношения Туркменистана с Казахстаном также нельзя назвать простыми. Однако динамика в отношениях последних лет позитивная. Так, товарооборот двух стран составил в прошлом году 345 млн долл. США. Цифра на первый взгляд не очень впечатляющая, но по сравнению с 2011-м этот показатель вырос на 90%.

В ходе визита Президента Г. Бердымухамедова в Казахстан в мае 2013 г. неоднократно подчеркивалось, что Туркменистан может стать главным торгово-экономическим союзником Казахстана. Серьезным фактором в поддержку этой декларации может послужить стыковка в Мангистауской области (РК) на границе двух стран двух железнодорожных веток. Стратегическое значение этого события заключается в том, что между государствами устанавливается прямое железнодорожное сообщение. Для Казахстана открытый участок становится частью магистрали Узень — Гызылгай — Берекет — Этрек — Горган, которая свяжет республику с Ираном и позволит ей получить выход к региону Персидского залива.

Итак, обретение независимости, нарастание политико-экономических разногласий с соседними государствами, взаимные претензии и разные взгляды на способы их урегулирования привели к выработке Туркменистаном своеобразной концепции, в которой

причудливым образом сочетаются принципы диверсификации в международных отношениях и так называемого «позитивного нейтралитета» — неприсоединения к разного рода политическим интеграционным альянсам и институтам.

Некоторые аналитики называют политику туркменского нейтралитета изоляционистской. Позволим себе не согласиться с подобным мнением. По сути дела, политика «позитивного нейтралитета» — это поиск оптимальной автономизации в условиях региональных и мировых кризисов. Сегодня большинство региональных интеграционных институтов сталкиваются с нерешенными между странами политическими проблемами, слабыми макроэкономическим менеджментом и структурной политикой. Об этом пишет, в частности, Йоханнесс Линн, бывший в период с 1996-го по 2003 г. вице-президентом Всемирного банка [10].

Аналитики Евразийского банка развития подчеркивают, что между «европейскими» и «евразийскими» интеграционными проектами «существуют серьезные признаки соперничества, которые с обеих сторон воспринимаются как взаимоисключающие» [11].

Такое соперничество создает жесткие барьеры на пути экономического сотрудничества и развития как в целом регионов (трансрегионов), так и входящих стран в отдельности.

В текущих региональных и трансрегиональных интеграционных процессах политические интересы в большинстве случаев доминируют над экономическими, социальными, гуманитарными аспектами. К примеру, инициатива Китая создать Банк ШОС была заблокирована Россией, чтобы не позволить Китаю стать лидером в финансовой системе. Таможенный союз между Россией, Казахстаном и Беларусью критикуется за то, что он может стать препятствием на пути развития торговли между Китаем и Казахстаном, а также тормозит реэкспорт китайских товаров из Кыргызстана в Казахстан и Россию [12]. Эти примеры можно продолжать.

Между тем, по приблизительным оценкам ПРООН, эффективное сотрудничество (региональная кооперация и интеграция) только стран Центральной Азии может привести за десять лет к удвоению ВВП региона — показателю, который превышает достижимый уровень в отсутствие кооперации [13].

Туркменистан на этом фоне регионального (и трансрегионального) политического и социоэкономического «раздрая» демонстрирует попытки минимизировать отрицательное влияние подобного рода факторов.

В краткосрочном периоде политика оптимальной автономизации способна дать позитивные макроэкономические результаты, и Туркменистан, как мы заметили выше, их показывает.

Только при условии соблюдения принципа баланса политических, экономических и гуманитарных интересов стратегия интеграции (и открытого регионализма) может проявить себя в полной мере, реализовать относительные и абсолютные конкурентные преимущества в сравнении с политикой «автономизации», называемой Туркменистаном «позитивным нейтралитетом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор по Туркменистану. Всемирный банк // <http://www.worldbank.org>.
2. Denison, M. (2012) Game Over? Shifting Energy Geopolitics in Central Asia // Central Asia Policy Brief (No 5): The Elliott School of International Affairs.
3. Дешевый выстрел в сторону Туркменистана и России // <http://newscentralasia.net>. — 2013, 17 июня.
4. World Policy and Resources Research // <http://www.wpru.ru>.
5. С начала года в Туркменистане выросла добыча углеводородов // Trend // <http://www.trend.az/turkmenistan>.
6. Женьмин Жибяо // <http://russian.people.com.cn>.
7. 67-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН — Пленарное 82-е заседание, г. Нью-Йорк, 17 мая 2013 г. // <http://newscentralasia.net>. — 2013, 23 мая.
8. <http://newsland.com/news> (источник: ru.trend.az).
9. Linn, J. Central Asian regional integration and cooperation: reality or mirage? — Eurasian Integration Yearbook 2012. Annual publication of the Eurasian Development Bank. — Almaty, 2012.
10. Linn, J. Op. cit. P. 101.
11. Винокуров Е.Ю. (2012) Открытый регионализм в Евразии: от постсоветской к евразийской интеграции. Доклад в рамках сессии «Евразийская интеграция» XIII Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества», г. Москва, 2012 г. // <http://www.gosbook.ru>.
12. Там же.
13. Linn, J. Op. cit. P. 100.

Проблемы развития приграничных территорий Казахстана

АБЕН А.С.

Для Казахстана — как страны, имеющей значительный пограничный периметр, существенной проблемой является обеспечение сбалансированного развития приграничных регионов, значительно различающихся между собой по экономическим, природным, демографическим и иным параметрам.

Специфика географического положения каждого государства требует особого подхода к выбору путей развития приграничных территорий, так как те или иные процессы, протекающие в зонах приграничья, могут оказывать определенное воздействие на безопасность страны, ее территориальную целостность. С одной стороны, приграничное положение дает регионам определенные преимущества, с другой — налагает специфические ограничения, связанные с пограничным режимом и режимом безопасности государственной границы.

Из 14-ти областей Республики Казахстан 12 являются приграничными. В современных условиях именно этим регионам отводится роль своеобразных локомотивов интеграционных процессов, в которых участвует Казахстан. Опыт регионов приграничного пояса большинства стран показывает, что чем выше уровень социально-экономического развития данных регионов, тем сильнее факторы безопасности на границе.

Понятие «приграничный регион» подразумевает, что входящая в него территория испытывает существенное влияние государственной границы, основными функциями которой являются барьерная, фильтрующая, контактная. Причем «приграничный регион» может не совпадать с границами административно-территориальных единиц государства [1].

В научной литературе чаще применяется термин «приграничные территории» — это территории государства, прилегающие к госу-

дарственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим рядом специфических особенностей.

Понятие приграничной территории в Казахстане предопределено больше геополитическими, чем экономическими факторами. Согласно официальным документам, «приграничная территория Республики Казахстан — это территория приграничных административно-территориальных единиц Республики Казахстан» [2]. Поскольку основной единицей административно-территориального деления Казахстана является область, то под понятием «приграничная территория» подразумевается регион-область Казахстана.

В экономической литературе рассматривают три уровня приграничья: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. На макроуровне в это понятие включаются все регионы, имеющие выход к государственной границе. Административные районы приграничных регионов, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей, относят к мезоуровню. К микроуровню относится приграничная полоса, включающая населенные пункты, выходящие на государственную границу [3].

Помимо выделенных трех уровней приграничных территорий, различаются также уровни морских приграничных пространств (акваторий), охватывающих внутренние и территориальные воды, исключительную экономическую зону, континентальный шельф, конвенционные морские районы.

Одной из форм взаимодействия между приграничными территориями сопредельных государств является «приграничное сотрудничество», а с позиции торговых отношений — «приграничная торговля».

Приграничное сотрудничество — это устойчивая и развивающаяся система взаимосвязей между сопредельными государствами, основанная на единых принципах и развивающаяся в рамках согласованной стратегии в соответствии с международными соглашениями в сфере приграничного сотрудничества государств [4].

Термин «приграничное сотрудничество» закреплен и в международных документах.

Приграничная торговля — торговая деятельность, осуществляемая субъектами приграничной торговли на приграничной территории Республики Казахстан и соответствующей приграничной территории сопредельного государства [5].

Приграничное сотрудничество чаще всего проявляется в следующих формах [6]:

- приграничной торговли;
- производственной кооперации;
- совместном строительстве и взаимопомощи в сооружении промышленных и других объектов;
- использовании иностранных рабочих;
- создании пограничной инфраструктуры;
- установлении преференциального режима на пограничных таможенных пунктах и транспортных узлах;
- совместном использовании энергетических, водных и других природных ресурсов и предоставлении технической помощи;
- передаче ноу-хау;
- оказании консалтинговых услуг;
- социокультурном сотрудничестве диаспор;
- туризме и курортно-рекреационном хозяйстве;
- экологии (совместных работах по охране природной среды и радиационной безопасности);
- обмену и помощи сельскохозяйственной техникой, в области селекции и др.

Перечисленные формы приграничного сотрудничества аккумулируют мировой опыт формирования межрегионального приграничного сотрудничества, а также европейский опыт трансграничного и приграничного межрегионального сотрудничества.

По мнению специалистов, развитие приграничных территорий должно реализовываться исходя из следующих принципов [7]:

- принцип обеспечения качественного состояния экономики региона на основе модернизации ее внешнеэкономической деятельности;
- принцип использования эффекта взаимосвязей и взаимодействия приграничного региона с регионами соседствующей страны;
- принцип восприимчивости региона к инновациям и высоким технологиям, импортируемым из-за рубежа, и распространение импульсов инноваций на национальную территорию;
- принцип subsidiarity управления приграничной территорией, то есть делегирование части полномочий органов исполнительной власти центра на региональный уровень с целью их более эффективного исполнения.

Новая парадигма развития приграничного пространства предполагает рассмотрение региона как экономического агента и субъекта, имеющего свои функциональные особенности [8].

Во-первых, приграничный регион несет так называемую политическую функцию, связанную с обеспечением безопасности государства. Под воздействием процессов глобализации снижается барьерная функция границ, и фактор соседства приграничных регионов создает условия структурной модернизации внешнеэкономической деятельности, способствует инновационному развитию экономики приграничного региона.

Во-вторых, функция приграничного региона в области обеспечения движения товарных потоков, включающих факторы производства, пассажиропотоки, связана с внешнеэкономической политикой страны.

В-третьих, эколого-политическая функция приграничного региона состоит в разработке и реализации эффективного управления трансграничными общественно-природными системами совместно с соседними странами.

В-четвертых, интегративная функция позволяет выступать приграничным регионам в качестве естественных конструкций при строительстве «больших экономических пространств», формирующих предпосылки создания региональных экономических группировок.

В-пятых, особое место занимает внешнеэкономическая функция приграничного региона, которая частично модифицируется в приграничное сотрудничество.

На современном этапе на развитие приграничных территорий сильное воздействие оказывают интеграционные процессы, преобразуя характер отношений приграничных территорий соседствующих государств. В целом эти отношения характеризуются следующими тенденциями [9]:

- приграничные регионы стали все больше выполнять контактные, а не барьерные функции. В силу усиления интеграционных процессов, границы внутри образовавшихся экономических союзов становятся более прозрачными, происходит унификация законодательства в экономической сфере, возникают надгосударственные структуры управления, усиливается движение ресурсных потоков через границу и т.д.;

- в процессе интеграции возрастают экономические связи между приграничными регионами соседних стран. Формируются единые общественные и предпринимательские структуры, действующие по обе стороны границы, увеличивается переток ресурсов;

- наблюдается усиление роли местных властей, постепенное ослабление зависимости от центральных регионов и центрального

правительства. Между соседними регионами устанавливаются культурные, предпринимательские, гуманитарные, научные связи, усиливается взаимодействие региональных органов власти.

Приграничные регионы РК: оценка современного состояния и развития

1. Общая характеристика

Геополитическое расположение территории Казахстана определяет специфику административно-территориального устройства РК, выражающуюся в том, что из 14-ти областей Республики Казахстан 12 являются приграничными (исключение составляют Акмолинская и Карагандинская области). С одной стороны — это существенное преимущество для Казахстана, а с другой — определенные угрозы и риски.

Так, из 12-ти приграничных территорий Южно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская и Актюбинская области граничат с Узбекистаном; две южные — Алматинская и Жамбылская области — с Кыргызстаном; Мангистауская область — с Туркменистаном; еще семь областей прилегают к границе Казахстана и России: Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская. Для Китая сопредельными являются Алматинская и Восточно-Казахстанская области (рис. 1 и 2).

В целом протяженность государственной границы Казахстана по суше составляет 13 300,9 км, в том числе с Россией — 7 500 км (51,96%), Узбекистаном — 2 331 км (21,05%), Китаем — 1 781,3 км (14,93%), Кыргызстаном — 1 241,8 км (9,08%) и Туркменистаном — 426,8 км (2,98%) [10].

Все приграничные регионы Республики Казахстан условно можно разделить на три основных типа: российская зона приграничья, центральноазиатская зона (киргизская, узбекская, туркменская) и китайская зона.

По характеру приграничного сотрудничества можно выделить зоны сотрудничества в рамках Таможенного союза (российская зона приграничья), в рамках СНГ (центральноазиатская зона приграничья), в рамках международного сотрудничества (китайская зона приграничья) (рис. 3).

Рис. 1. Государства, граничащие с Казахстаном

Источник: <http://www.fond-astana.ru>.

Рис. 2. Административно-территориальное деление Казахстана

Источник: <http://global-shopping.ru>.

Рис. 3. Схемы влияния приграничных территорий

Источник: <http://www.economy.kz>.

Общая сравнительная характеристика социально-экономического развития приграничных регионов Республики Казахстан представлена в таблице.

Табл. Сравнительные данные по социально-экономическому развитию приграничных регионов Казахстана

Регион	Территория, тыс. кв. км	Числен. населен. на 1 января 2013 г.	Уровень безработицы (%), I кв. 2013 г.	Среднедушевой номинальный денежный доход, IV кв. 2012 г., тг	Среднемесячная заработная плата, IV кв. 2012 г., тг	ВРП на душу населения в 2012 г., тыс. тг	Объем промышленной продукции в 2012 г., млн тт	Выпуск продукции сельского хозяйства в 2012 г., млн тт	Инвестиции в основной капитал в 2012 г., млн тт	Оборот розничной торговли в 2011 г., млн тт
Актобинская	300,6	796 130	5,0	56 222	96 997	1 939,3	1 314 902,0	119 499,7	430 537	244 058,7
Алматинская	224,0	1 946 627	5,0	43 513	81 766	757,0	499 210,6	337 133,9	382 700	171 939,4
Атырауская	118,6	555 198	5,1	125 200	184 051	5 655,4	4 153 021,0	39 802,3	1032 188	157 429,2

Продолжение

Западно-Казахстанская	151,3	617 779	5,2	55 501	97 395	2 810,2	1 632 905,0	71 433,3	165 974	107 773,7
Жамбылская	144,3	1 070 239	5,3	36 227	76 112	732,0	202 354,7	93 202,7	149 590	103 441,4
Костанайская	196,0	880 109	5,2	49 784	84 416	1 262,2	482 289,6	179 602,5	161 422	125 651,4
Кызылординская	226,0	726 781	5,2	47 109	85 895	1 639,6	1 104 10,0	48 316,9	253 471	96 573,1
Мангистауская	165,6	568 086	5,6	93 286	181 794	3 559,2	2 210 810,0	7 174,0	393 011	90 008,5
Южно-Казахстанская	117,3	2 678 335	5,5	32 714	77 241	635,5	444 800,7	246 242,7	315 089	193 998,0
Павлодарская	124,8	749 154	5,1	61 075	93 788	1 959,8	1 201 270,0	77 784,6	258 713	186 347,4
Северо-Казахстанская	98,0	579 636	5,3	45 639	72 178	1 164,9	122 515,5	238 639,1	96 737	92 410,9
Восточно-Казахстанская	283,2	1 393 964	5,2	50 686	92 086	1 262,9	943 229,4	229 769,1	263 262	362 525,6

Источник: Агентство РК по статистике.

Данные таблицы показывают, что имеются значительные дифференциации по уровню социально-экономического развития приграничных регионов Казахстана. Тем не менее при реализации общей государственной стратегии региональной политики следует учитывать имеющийся потенциал каждой территории и сложившийся характер проблем приграничного и трансграничного взаимодействия с сопредельными регионами.

2. Экономическое развитие приграничных регионов РК: риски и угрозы

Казахстанско-российское приграничье

ВРП приграничных с РФ регионов РК составляет 40% ВВП Казахстана, а ВРП приграничных регионов РФ с РК — 20% ВВП России. ВРП приграничья России более диверсифицирован, чем ВРП приграничья Казахстана [11].

Как отмечают эксперты, несмотря на динамичное развитие торговых связей, значение Казахстана как страны — торгового партнера для России остается все еще незначительным (доля Казахстана в

совокупном стоимостном объеме российского экспорта в 2010 г. составила 2,77%, импорта — около 2%).

В совокупном валовом продукте российско-казахстанского приграничья преобладает добыча полезных ископаемых (28%), за ней идут прочие секторы (21%), обрабатывающая промышленность (15%), транспорт, связь и торговля (по 10%) (рис. 4).

С обеих сторон российско-казахстанской границы присутствует доминирующий по объемам экспорта регион (в России — Тюменская область, на которую приходится больше половины совокупного экспорта приграничных регионов, в Казахстане — Атырауская область, на которую приходится почти 2/3 совокупного экспорта приграничных регионов РК).

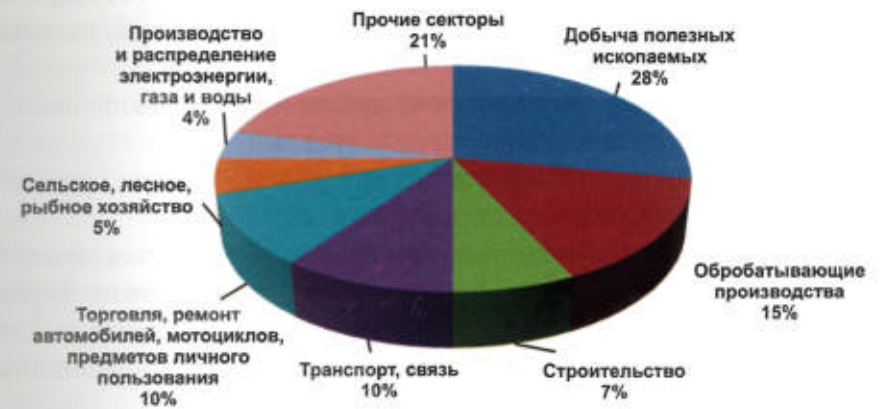

Рис. 4. Отраслевая структура ВРП российско-казахстанского приграничья, 2010 г.

Источник: Доклад №7 Евразийского банка развития. Анализ торгово-производственных связей приграничных регионов России и Казахстана: влияние Таможенного союза и Единого экономического пространства, 2012.

Внешняя торговля приграничных регионов России и Казахстана (особенно экспорт) ориентирована в большей степени на третьи страны, а не на сопредельные государства и регионы (если не считать транзитную торговлю нефтью и газом, а также поставки российской нефти для переработки на казахстанских НПЗ и планируемые встречные поставки казахстанской нефти).

Основные проблемы развития казахстанско-российских приграничных территорий связаны [12]:

- со слабой инвестиционной привлекательностью приграничных территорий — большинство приграничных городов сильно удалены

от потенциальных инвесторов, для них характерны малоемкие региональные рынки и неблагоприятный инвестиционный климат из-за слабо развитой рыночной инфраструктуры;

- с проблемой занятости в приграничных городах по причине дублирования экономической активности в сопредельных регионах;

- с инфраструктурной разобщенностью в приграничных городах (общественные сооружения и инфраструктура, особенно в сфере здравоохранения, образования и культуры, изначально создавались как национальные и, следовательно, ориентированы только на внутреннее инвестирование).

По мнению специалистов, для Казахстана и России возможен сценарий приграничного взаимодействия с позиции трансферта инноваций. Проводимый экспертами анализ показал, что с точки зрения стратегических программных документов двух государств и межгосударственных соглашений инновационная политика регионов имеет [13]:

1. Одинаковые приоритеты и характеризуется взаимодополнением и тесными связями между регионами (странами).

2. Инновационная политика в каждом регионе (стране) является активной, но проводится достаточно независимо.

Таким образом, на границе регионов (стран) формируется «импульс инновационной активности». В каждом регионе возможно формирование нескольких концентрических волн-гребней, повышающих активизацию инновационной политики не только в инновационных ядрах (центрах), но и на приграничных территориях.

Казахстанско-китайское приграничье

Схожесть природохозяйственных, этнографических, экономических и иных условий приграничных районов Казахстана и Китая обуславливает необходимость развития сотрудничества в различных отраслях экономики. В настоящее время в структуре казахстанско-китайского товарооборота более 70% занимает Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая. По итогам 2012 г. товарооборот между Казахстаном и Китаем достиг 24,5 млрд долл. США, из них 11 млрд 170 млн долл. США (около 50%) приходится на товарооборот между РК и СУАР КНР, который вырос на 5,4% по сравнению с аналогичными показателями 2011 г. Примечательно, что более половины (51,7%) общего объема внешней торговли СУАР обеспечила мелкая приграничная торговля. В целом за 2012 г. ВВП Синьцзяна составил около 120 млрд долл. США, увеличившись на 12% по сравнению с

предыдущим годом, что значительно превышает ВВП приграничных территорий Казахстана.

СУАР занимает все более заметное место в экономической и внешнеэкономической стратегии Китая. В настоящее время он представляет собой динамично развивающийся регион с огромными разведанными запасами нефти, газа, руд цветных металлов, марганца, графита, слюды, ртути, урана, что в условиях растущих потребностей Китая в природных ресурсах повышает общегосударственное значение региона. При этом следует учитывать, что Синьцзян является сельскохозяйственным районом, где доля сельских жителей составляет более 70% населения. Сильными позициями СУАР обладает в таких отраслях, как виноградарство, хлопководство, разведение верблюдов, мелкого рогатого скота. Профилирующие отрасли сельского хозяйства получают сильный импульс благодаря значительным бюджетным и иностранным инвестициям.

Совершенствование китайской стороной коммуникационной системы и пропускной способности на границе с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном свидетельствует об однозначном намерении китайского правительства превратить Синьцзян в международный центр торговли со странами Центральной Азии. С казахстанской стороны целесообразно извлечь все положительные аспекты данного фактора. Так, одним из направлений может выступать расширение связей не только в сфере торговли, но и сельскохозяйственного производства.

По нашему мнению, СУАР и дальше будет развивать свое внешнеэкономическое сотрудничество с Казахстаном, импортируя природные ресурсы и сырье для переработки и внутреннего потребления и экспортируя готовую продукцию. В планах КНР данный регион будет все более активно использоваться в качестве внутреннего сухопутного коридора для транзита энергоресурсов из стран Центральной Азии в свои внутренние районы и в качестве международной базы экспорта китайских товаров на внешние рынки.

Приграничному сотрудничеству Казахстана и Китая дало новый импульс соглашение между правительствами двух стран о создании Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос». Оно определило упрощенный порядок пересечения границы местными жителями приграничного Панфиловского района границы с Китаем через пограничный переходный пункт в Хоргосе. В отличие от жителей других регионов Казахстана, жителям Панфиловского района разрешен въезд в Китай без визы на один день. Специальное визовое

соглашение в сочетании с таможенными положениями Казахстана, благоприятствующими челночной торговле, внесло свой вклад в снижение цен на импортные продукты, в том числе на продовольствие и фрукты, и позволило большому количеству людей найти работу в сферах, связанных с торговлей.

Особенность казахстанско-китайских экономических отношений связана также с комплексом демографических, территориальных, экологических проблем.

У экспертов вызывает опасение демографический рост сопредельной с Казахстаном территории КНР, в частности изменение национального состава СУАР, связанное с увеличением численности ханьцев за последние десятилетия. По прогнозным оценкам, численность населения Синьцзяна увеличится с 22,6 млн человек в 2012 г. до почти 35—40 млн человек к 2030 г., что обуславливает угрозу усиления миграционных потоков с КНР в приграничные регионы РК [14]. Кроме того, экспертами отмечается тот факт, что СУАР в ближайшие десятилетия может стать источником нестабильности по позициям «терроризм», «сепаратизм» и «экстремизм».

Основными трансграничными экологическими проблемами казахстанско-китайского сектора являются: проблема вододеления и загрязнения трансграничных рек Или и Иртыша. Остро стоит проблема деградации, засоления и подверженности эрозионным процессам орошаемой пашни, проблема нормирования пастбищной нагрузки и опустынивания пастбищных угодий (со стороны КНР — пески Курбан-Тунур, со стороны Казахстана — пески Айгыркум и Бозайгыркум) на трансграничной территории.

Центральноазиатская зона приграничья

В объемах торгово-экономического сотрудничества Казахстана со странами ЦА отмечается значимая роль Узбекистана. Так, в 2012 г. товарооборот между Казахстаном и Кыргызстаном составил 1,1 млрд долл. США, между Казахстаном и Туркменистаном — 345 млн долл. США, а между Казахстаном и Узбекистаном — более 2,75 млрд долл. США.

На сопредельных с Узбекистаном и Туркменистаном территориях Казахстана отмечается высокая эколого-демографическая напряженность. Так, наблюдается превышение демографического потенциала приграничных территорий РУ над приграничной территорией РК в 2,8 раза. А в приграничной зоне казахстанско-туркменской границы в четырех районах Мангистауской области — Актауском, Жанаозен-

ском, Жетыбайском и Сенекском — сложилась весьма негативная эколого-демографическая ситуация, обусловленная некачественным питьевым водоснабжением, низким естественным приростом населения, интенсивностью миграции по выезду, низким уровнем рождаемости.

В центральноазиатской зоне приграничья Казахстана южная приграничная зона отличается от других регионов наличием значительной доли выходцев из сопредельных государств в этническом составе населения и относительной отсталостью от среднереспубликанского уровня экономического развития. Эти факторы несут угрозу возникновения конфликтов в большей степени на национальной и религиозной почве. В плане улучшения сложившейся ситуации в регионе важную роль может сыграть коммуникационный потенциал южного пограничья, обеспечивающий необходимые трансграничные связи между населением приграничных районов. Представляется, что полноценное сообщение между приграничными районами Южного Казахстана и сопредельными странами является важнейшим условием как для полноценного экономического развития соответствующих республик, так и для снижения потенциала этнической конфликтности.

В то же время решение вопроса осложняется тем, что, как отмечают эксперты, идет конкурентная борьба между Казахстаном и Узбекистаном за региональное лидерство. Складывающаяся ситуация мешает развитию двусторонних отношений. По мнению специалистов, Казахстан и Узбекистан должны использовать все возможности для консолидации стран региона в вопросах преодоления трансграничных и трансграничных проблем и продвигать работу в плане приграничного сотрудничества.

Между Кыргызстаном и Казахстаном в 2007 г. было заключено Рамочное соглашение, согласно которому в районе пунктов пропуска через государственную границу «Аухатты» Кордайского района Жамбылской области Республики Казахстан и «Кенбулун» Ыссык-Атинского района Чуйской области Кыргызской Республики, а также в районе пунктов пропуска через государственную границу «Айша-биби» Жамбылского района Жамбылской области Республики Казахстан и «Чон-Капка» Манасского района Таласской области Кыргызской Республики планировалось создание международных центров приграничного сотрудничества. С кыргызской стороны иницируются работы для реализации данного соглашения. С казахстанской стороны строительство логистического центра на территории «Айша-биби» было приостановлено по причине прохождения по данному участку

газопровода Бухара — Ташкент — Алматы. Правительство РК пока не приняло окончательного решения по данному вопросу. К тому же вопрос о приграничном сотрудничестве осложнен чередой негативных событий, происходящих на территории Кыргызстана (насилованной сменой власти, нарастающими протестными настроениями в связи со сложной социально-экономической ситуацией и деградацией реального сектора, социальной сферы и т.д.).

Таким образом, политика развития приграничных регионов должна учитывать сложившийся характер трансграничного взаимодействия, а именно [15]:

- *северная граница* — наиболее контактная, но она не создает инновационных связей. Доминирует вывоз казахстанской сырьевой продукции (топливных и металлургических ресурсов) на экспорт в дальнее зарубежье и в сопредельные регионы России, сохраняется небольшой миграционный отток населения из северных областей;

- соседство по *восточной границе* с Китаем пока не обеспечивает ускоренного развития восточных приграничных территорий Казахстана. Обмены ограничиваются встречными потоками казахстанских ресурсов и китайской готовой продукции, велика доля теневого импорта. Развитие транзитных функций Казахстана («Шелковый путь») потребует создания современных логистических услуг и поэтому имеет инновационный эффект для восточных областей, но только в узловых точках. Линейный и площадной эффект распространения инноваций пока невозможен из-за инфраструктурных проблем;

- *южная граница* — имеется сильное демографическое давление сопредельных стран с более плотным расселением и близостью их столиц, приток низкоквалифицированных трудовых мигрантов, который усилится при быстром экономическом росте Казахстана. Приграничные области будут испытывать конкуренцию за рабочие места в условиях собственного плотного расселения и незавершенной урбанизации, что создает конфликтный потенциал. Производство трудоемкой и массовой промышленной продукции с помощью трудовых мигрантов затрудняется значительным экономическим расстоянием до рынков сбыта и конкуренцией со стороны китайской готовой продукции;

- *западная граница* — это экономически перспективные морские и трубопроводные перевозки углеводородов на экспорт, развитие портовых комплексов и современной логистики.

Стратегия развития приграничных территорий — стратегия «Еврорегионы»

Европейский опыт приграничного сотрудничества доказал, что одним из важнейших показателей успешного и эффективного приграничного сотрудничества является наличие объединенных приграничных структур с объединенными органами управления, совместным офисом и общим бюджетом. В перспективе долгосрочное и целенаправленное приграничное сотрудничество требует создания устойчивых и связующих приграничных организаций. «Еврорегионы» являются уникальными приграничными структурами, созданными специально для осуществления и координации приграничного сотрудничества. Есть несколько специфических черт, отличающих «Еврорегионы» от других форм приграничного сотрудничества [16]:

- они являются формализованными постоянными органами сотрудничества между местными и региональными властями двух и более стран, расположенных в непосредственной близости от границы;
- обычно они имеют единые политические и административные структуры (такие, как Совет, рабочие группы и/или Секретариат);
- обычно охватывают широкое поле коллективных действий;
- всегда работают в рамках деятельности, направленной на развитие приграничных связей.

В целом для наращивания потенциала развития приграничных территорий Казахстана возможно перенять европейский опыт и выстраивать дальнейшее сотрудничество с сопредельными государствами (регионами) путем формирования подобных «Еврорегионам» форм развития приграничного сотрудничества. Примечательным может быть опыт России и Беларуси, где уже практикуется стратегия «Еврорегионов».

Также специалистами отмечается тот факт, что со снятием барьеров для предприятий, в связи с созданием Таможенного союза, появилась возможность сформировать эффективные межрегиональные индустриальные кластеры. Так, одними из перспективных направлений являются создание межрегионального кластера на базе Павлодарского нефтехимического завода и Омского НПЗ; агропромышленного кластера на базе предприятий по производству и реализации зерна Костанайской области и предприятий сельского машиностроения Оренбургской области [17].

В заключение хотелось бы отметить, что в целом уровень социально-экономического развития приграничного региона имеет тесную

связь с особенностями граничащего государства (группы государств), поскольку значительную роль в экономическом развитии регионов той или иной приграничной зоны играет политический фактор. Например, стабильные отношения Казахстана с Россией, Китаем и в целом высокий уровень социально-экономического развития этих стран обеспечивают относительно более высокий уровень развития регионов Казахстана соответствующей зоны приграничья.

Адекватная стратегия развития приграничных районов должна быть основана на реалистичном анализе внешних условий и ресурсов развития конкретного района. Именно здесь заключается главная проблема. В абсолютном большинстве случаев приграничное положение само по себе не выступает в качестве ресурсов и в качестве проблем развития регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь понятий и терминов регионального управления // <http://vasilieva.narod.ru>.
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 апреля 2007 года №272 «Об утверждении Правил осуществления приграничной торговли».
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. Межрегиональное и приграничное сотрудничество в государствах — участниках СНГ (информационно-аналитическая записка). Исполнительный комитет СНГ, 2011.
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 апреля 2007 года №272 «Об утверждении Правил осуществления приграничной торговли».
6. Дергачев В.А. Институт геополитики профессора Дергачева // <http://www.dergachev.ru>.
7. Грибова С.Н. Развитие приграничных регионов России: методология и практика // Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра экон. наук. — Улан-Уда, 2011.
8. Там же.
9. Дружинин П.В. Прогнозирование развития экономики приграничных регионов: методологические и методические положения // Труды Карельского научного центра РАН. Выпуск 9. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006.
10. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. — М.: Либроком. — 2009. — 216 с.
11. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. — СПб, 2012. — С. 56.
12. Там же.
13. Туркеева К.А. Формирование конкурентного трансграничного сотрудничества сопредельных государств // <http://www.group-global.org>.
14. Западный вектор // <http://forbes.kz>.
15. Пространственное развитие Республики Казахстан // Фрагменты книги «Взаимодействие государства, бизнеса и общества: позитивная реинтеграция» // <http://polit.ru>. — 2009, 23 июня.
16. Исабеков Б.Н. Исследование инноваций на уровне приграничных территорий Республики Казахстан и Российской Федерации // <http://group-global.org>.
17. Там же.

Исследование поведения казахстанских розничных инвесторов

УТЕЕВ Б.Ж.

Современная мировая экономика напоминает запутанный клубок взаимосвязанных между собой трудно разрешимых проблем. Среди них — массовый вывод производства в регионы с дешевой рабочей силой, необходимость обеспечения непрерывного роста потребления для нормального функционирования экономики, обусловленная этим необходимость постоянной кредитной экспансии, избыточность финансового рынка, несовершенство методов управления рисками финансового сектора. Сердцевиной этого клубка является системное противоречие между интересами и поведением инвесторов и предпринимателей.

Для успешного ведения бизнеса любому предпринимателю рано или поздно становится необходим инвестор — желательна такой, который разделит бы с ним все риски и не требовал вернуть свои вложения только потому, что кто-то предложил более выгодные условия, а также не требовал бы себе существенную часть прибыли, оставляя заработанные средства на развитие бизнеса. Несбыточная мечта! Потому что большинство мелких (розничных) инвесторов унаследовали черты рантье, сложившиеся еще в эпоху феодализма. Они стремятся получить максимальный доход без особого труда, без ответственности, желательна вообще без риска — если бы инвестор был другим, то сам уже давно бы стал предпринимателем. Поэтому розничный инвестор не может обойтись без посредника между собой и предпринимателем — посредника, который бы принял на себя все инвестиционные риски и оставил бы инвестору только одну обязанность — регулярно «стричь купоны», получать свою ренту.

В условиях глобального кризиса, когда качественно возросшая неопределенность обуславливает общее снижение эффективности

традиционных методов управления рисками на финансовых рынках, розничные инвесторы стремительно утрачивают доверие к своим финансовым посредникам, начинают нервничать и метаться в поиске наиболее надежных и доходных бумаг. Их поведение, которое во многом определяет ситуацию на финансовых рынках, становится импульсивным, нерациональным, нелогичным, трудно объяснимым, непредсказуемым.

Специфические проблемы казахстанского фондового рынка и розничных инвесторов

Индекс Казахстанской фондовой биржи (KASE) рассчитывается по ценам акций всего девяти наименований из 90 АО, прошедших листинг на бирже. Остальные не удовлетворяют критериям ликвидности.

На KASE в последние годы происходит сокращение количества и участников, и наименований доступных финансовых инструментов, и инвесторов. KASE вошла в первую пятерку по уровню падения биржевого индекса. Так, за 2011 г. биржевой оборот упал на 20%, наиболее сильно пострадал рынок акций, где снижение объема составило 43,2%. Эти негативные тенденции наблюдались и в 2012 г. [1].

За последние два года в Казахстане был предпринят целый ряд мер по стимулированию инвестиционной активности населения. Руководство KASE прикладывало значительные усилия по совершенствованию законодательной, технической, технологической базы, внедрению новых инструментов и услуг. Тем не менее в 2012 г. на Казахстанском финансовом форуме главным предметом дискуссий стало само существование KASE.

Дело в том, что в Казахстане пока не сформировался публичный массовый вторичный рынок акций, а на биржевых площадках в основном обращаются немногочисленные «голубые фишки» (впрочем, это присуще и куда более масштабному российскому фондовому рынку) [2]. Рынок для фондов прямых инвестиций остается достаточно узким. Создание нескольких довольно крупных фондов не улучшило ситуацию, поскольку стоимость тех немногих компаний, которые соответствуют критериям фондов, непрерывно повышается и эти фонды становятся неконкурентоспособными по сравнению с аналогичными компаниями в России и Турции. Казахстанские брокеры зарабатывали в последнее время исключительно на сделках по

продаже негосударственных ценных бумаг на международных рынках. Однако последние изменения правил брокерской и дилерской деятельности на казахстанском рынке ценных бумаг практически перекрывают им этот источник дохода [3].

По мнению многих участников форума, дело идет к тому, что, в силу нарастающего вынужденного ужесточения в системе государственного регулирования, KASE может фактически прекратить свое существование (или в лучшем случае станет чьим-то филиалом). Альтернатива этому, по мнению ряда казахстанских экспертов, — перезапустить фондовый рынок фактически заново, развивая его на качественно иной клиентской базе. Многие казахстанские компании, имеющие потенциал роста, испытывают серьезные трудности в финансировании и фактически не обладают доступом на публичные рынки капитала. Возникла идея переориентировать деятельность биржи на модель фондового рынка, где целевой инвестор — население.

Конечно, для этого нужно в корне изменить выстроенную на определенных количественных показателях систему листинга на KASE, чтобы эмитентами могла стать значительная часть казахстанских предприятий малого и среднего бизнеса. И неизбежно возникает вопрос: «Готово ли казахстанское население стать инвестором?».

Сумма депозитов и пенсионных накоплений жителей Казахстана — почти 51 млрд долл. США. Для Казахстана это громадный инвестиционный потенциал. Однако 50% от суммы всех депозитов приходится на долю всего 0,1% вкладов; другая половина средств на депозитах также распределена весьма неравномерно. Их вообще имеют только 17% населения, причем суммы вкладов у подавляющего большинства совсем небольшие [4].

Согласно отчету ООН, по величине средней заработной платы работников в 72-х странах мира Казахстан занял 53 место с 753 долл. США в месяц и оказался между Макао (52 место) и Болгарией (54 место). Отставание от ближайшего партнера по Таможенному союзу — Беларуси — составляет 206 долл. США (у белорусов — 959 долл.) [5]. Доля заработной платы наемных работников в развитых странах составляет порядка 2/3 ВВП — а в Казахстане удельный вес фонда оплаты труда в ВВП вдвое ниже. Величина прожиточного минимума, по мнению экспертов, занижена практически в 2—2,5 раза, средняя заработная плата всего в 2—2,5 раза превышает реальный прожиточный минимум. Если учесть, что коэффициент семейности в Казахстане составляет около 4,2, то в семьях работников с

низкой оплатой труда на каждого человека приходится сумма, почти не превышающая стоимость реального прожиточного минимума [6].

Таким образом, весьма значительный инвестиционный потенциал населения как розничных инвесторов не представляется столь уж доступным. В данных условиях определяющее значение приобретает проблема прогнозирования поведения розничных инвесторов. В связи с этим в 2012 г. нами было проведено исследование о поведении розничных инвесторов Казахстана.

Защита прав и интересов всех участников фондового рынка, без преувеличения, — одна из фундаментальных основ мировой экономики [7; 8].

В базовом документе Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO) «Цели и принципы регулирования в области ценных бумаг» отмечается, что «регулирование должно способствовать формированию капиталов в хозяйстве и экономическому росту». IOSCO выделила три цели регулирования:

- а) защита инвесторов против вводящей в заблуждение манипуляционной, мошеннической и инсайдерской практики;
- б) справедливость, эффективность и прозрачность рынков (равенство участников на рынке, равный и широкий доступ к информации, предупреждение нечестной торговой практики);
- в) сокращение системного риска (эффективное управление рисками в индустрии ценных бумаг) [9].

Однако универсальных для всех стран общепризнанных правил защиты прав и интересов участников фондового рынка, как показывает практика, нет и, по-видимому, быть не может. В литературе также нет единого мнения относительно того, какой из регуляторов — централизованный или децентрализованный — является более эффективным. В мировой практике у обоих подходов к защите прав инвесторов есть свои преимущества и недостатки [10; 11]. И если еще десять-пятнадцать лет тому назад большая часть регуляторов во многих государствах имела децентрализованные черты, то за последние пять лет децентрализованная система регулирования подверглась сильной критике, и сегодня наблюдается тенденция к централизации регулирования [12].

В условиях глобального кризиса качественно возросшая неопределенность обуславливает общее снижение эффективности методов управления рисками инвесторов на финансовых рынках [13]. При этом, если крупные институциональные инвесторы, как правило, обладают необходимыми ресурсами для совершенствования системы

управления рисками, то интересы розничных инвесторов нуждаются в условиях кризиса в дополнительной защите [14].

Необходимость особого подхода к защите интересов розничных инвесторов обусловлена также существующими до настоящего времени многочисленными недостатками в деятельности многих казахстанских инвестиционных институтов (компаний и фондов), оказывающих посреднические услуги. В этих условиях фондовые биржи, инвестиционные компании и фонды должны прилагать дополнительные усилия по защите их прав [15].

В Казахстане особое внимание проблемам защиты интересов инвесторов на финансовых рынках стало уделяться сравнительно недавно. В 2010—2011 гг. были приняты Концепция развития финансового сектора [16] и Закон о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования банковской деятельности и финансовых организаций в части минимизации рисков [17].

В таблице представлены основные новации этого закона, направленные на минимизацию рисков инвесторов на фондовом рынке.

Табл. Новации казахстанского законодательства, направленные на минимизацию рисков инвесторов на фондовом рынке *

№	Основные направления	Новации
1	Повышение прозрачности деятельности эмитентов	<ul style="list-style-type: none"> - исключить из перечня информации, составляющей коммерческую тайну на рынке ценных бумаг, данные об остатках и движениях акций на лицевых счетах системы реестров держателей и системе учета номинального держания; - установить требование в отношении всех акционерных обществ размещать на сайте депозитария финансовой отчетности информацию обо всех корпоративных событиях, годовую финансовую отчетность и аудиторские отчеты общества; - установить обязанности уполномоченного органа публиковать информацию об эмитентах, допустивших дефолты, должностных лицах и крупных акционеров таких эмитентов

2	Усиление защиты прав и интересов инвесторов	<ul style="list-style-type: none"> - повысить требования к аудиторским отчетам, составляемым по результатам эмитентов облигаций; - повысить ответственность аудитора за сокрытие фактов; - дополнить проспект выпуска ценных бумаг сведениями о целевом назначении облигационного займа, представителях держателей облигаций и дивидендной политики; - установить административную ответственность за действия по совершению сделок с ценными бумагами с использованием инсайдерской информации — в своих интересах или в интересах третьих лиц; - установить обязанности выкупа эмитентов выпущенных облигаций у своих держателей при невыполнении определенных условий их выпуска, а также в случае делистинга по причине невыполнения листинговых требований в части раскрытия информации о деятельности эмитента; - повысить ответственность организаций, осуществляющих финансовое консультирование при выводе ценных бумаг отечественных эмитентов на фондовый рынок
3	Совершенствование структуры фондового рынка	<ul style="list-style-type: none"> - повысить роль представителя держателя облигаций и расширить его функции и полномочия в целях обеспечения защиты прав и интересов держателя облигаций

* Составлено автором.

Однако сегодня следует признать, что эти нормативно-правовые акты так и не смогли переломить негативные тенденции казахстанского фондового рынка.

Одна из причин этого, по нашему мнению, — недостаточное внимание к учету интересов розничных инвесторов. Именно это является нерешенной до настоящего времени частью проблемы.

Материалы и методы

Исследование рынка розничных инвесторов проводилось в городе Алматы. Исследование охватывает период с мая 2012-го по январь 2013 г.

Исследование не охватывает все население розничных инвесторов в Казахстане в связи с ограничением времени и ресурсов. Результаты анализа основаны на данных о выборочной совокупности

розничных инвесторов в городе Алматы, отличающихся креативностью и мобильностью, поэтому итоги исследования не могут являться презентативными для населения других казахстанских регионов.

Изучение поведения инвесторов невозможно без непосредственного взаимодействия с инвесторами и постижения их мнения. Ответы, собранные с помощью вопросника, соответствующим образом были проанализированы. Опрос производился в два этапа. На первом этапе респонденту задавались два вопроса. Если респондент отвечал на оба вопроса положительно, то есть если он: 1) имел недавний опыт различных финансовых операций и 2) проявлял интерес к вопросам инвестирования, то начинался второй этап опроса. Задавались несколько блоков вопросов относительно: 1) уровня осведомленности и характера представлений о фондовом рынке и инвестировании, 2) представлений о защите инвесторов, 3) поведенческих установок в сфере инвестиционной деятельности и 4) отношения к информации об инвестировании на фондовом рынке и информационных потребностях (всего — 56 вопросов).

Отбор респондентов осуществлялся случайным образом с использованием квот по полу, возрасту и образованию. Количество респондентов, опрошенных на втором этапе, — 644.

Результаты

Большинство участников опроса — лица мужского пола в возрасте от 26—35-ти лет, на долю женщин приходится 36%. Лишь 20% — старше 35-ти лет. 68% имеют высшее образование, преимущественно экономическое.

Помимо социально-демографических факторов, на инвестиционные намерения респондентов влияют: 1) уровень финансовой компетентности (чем он выше, тем чаще респонденты выражают установки на инвестирование), 2) наличие свежего инвестиционного опыта, а также 3) наличие у респондентов знакомых инвесторов. При этом лишь у четверти опрошенных в окружении есть инвесторы: у 18% таких знакомых мало (1—2 человека) и лишь у 5% — много (от 3-х и более), еще 5% затруднились оценить, много ли у них таких знакомых или мало.

Существенное влияние на готовность к осуществлению вложений оказывает оценка респондентами инвестиционного климата в стране. Считающие положение в экономике достаточно стабильным для того, чтобы делать вложения (таковых сегодня 35%), вдвое чаще

проявляют установку на инвестирование. 41% респондентов уверены, что в ближайший год-другой положение дел в экономике не улучшится и не будет стабильным, 35% ожидают стабильности, еще 25% затруднились дать прогноз. Оценки инвестиционного климата ощутимо варьируются в зависимости от уровня компетентности — чем он выше, тем чаще респонденты склонны считать сегодняшнее положение дел в экономике достаточно стабильным и тем чаще они дают позитивные прогнозы развития ситуации.

В ходе исследования была выделена группа «с выраженной установкой на инвестирование» — их доля составила 15% от первоначальной выборки. Такие респонденты чаще встречаются среди людей в возрасте до 25-ти лет (19% против 15% по выборке) и от 25-ти до 32-х лет (22%), среди граждан с высшим образованием (24%), людей с доходами выше среднего (21%) и высокими (24%).

Большинство респондентов, даже среди представителей группы «с выраженной установкой на инвестирование», пока еще не слишком готовы к современной форме инвестиционной деятельности, предполагающей большую включенность и довольно активное поведение на фондовом рынке, и скорее ориентированы на то, чтобы стать «пассивными инвесторами».

50% всех участников опроса и 57% группы «с выраженной установкой на инвестирование» предпочли бы получать дивиденды, а не заниматься перепродажей акций. На извлечение дохода с помощью перепродажи акций ориентированы 29% респондентов по выборке и 35% группы «с выраженной установкой на инвестирование».

28% всех опрошенных (и 33% группы «с выраженной установкой на инвестирование») предпочли бы не продавать свои акции как можно дольше, 31% и 32% соответственно продали бы свои акции только тогда, когда их стоимость заметно изменится (повысится или понизится). Только 19% респондентов по выборке (и 26% группы «с выраженной установкой на инвестирование») предпочли бы постоянно перепродавать акции, играя на изменении их курса.

Что касается сумм вложений, то 21% всех респондентов сегодня готовы потратить на покупку акций не более 1 000 долл. США, 7% — до 200 долл., примерно такая же доля — от 1 000 до 3 000 долл., еще 7% — сумму от 3 000 до 10 000 долл. и 4% — суммы, превышающие 10 000 долл.

Большая часть (58%) общей выборки ориентирована на вложения с меньшим доходом, но большей надежностью, вдвое меньше тех, кто предпочел бы вложения более доходные, но и более рискованные

(27%). При этом большинство респондентов выразили установку на весьма рациональное поведение в случае, если курс акций начнет колебаться: 44% опрошенных по выборке считают, что в этом случае надо подождать и не продавать акции, и 28% уверены, что в такой ситуации акции нужно как можно скорее продавать.

По мнению абсолютного большинства респондентов, действующие нормативно-правовые акты лишь «отчасти» отвечают интересам заинтересованных сторон. Только четверть опрошенных считают себя достаточно хорошо информированными о содержании казахстанских законов по защите прав инвесторов; почти половина респондентов на момент проведения опроса вообще не интересовалась вопросами защиты прав инвесторов.

Отвечая на вопрос: «Можете ли Вы рассказать, какие дополнительные меры по защите прав инвесторов были закреплены в казахстанском законодательстве в конце 2011 г.?» — практически все респонденты затруднились дать ответ. По мнению 3/4 респондентов, в значительной степени уровень защищенности казахстанских инвесторов зависит от государственного регулирования фондового рынка. Только 14% опрошенных считают, что защищенность казахстанских инвесторов может повыситься благодаря деятельности саморегулируемых организаций, объединяющих инвестиционные компании. Интересно, что при этом 82% возлагают надежды на системы внутреннего контроля инвестиционных компаний.

Отвечая на вопрос: «Чьи действия чаще всего способствуют нарушению прав инвесторов?» — респонденты посчитали, что чаще всего (64—66%) причиной нарушения прав инвесторов является их слабая информированность о своих правах и несовершенство казахстанского законодательства; далее среди факторов, способствующих нарушению прав инвесторов, — низкая квалификация инвесторов (38%) и неразвитость инфраструктуры рынка (16%); деятельность исполнительных органов власти, по мнению респондентов, меньше всего нарушает права инвесторов (12%).

Самостоятельное распоряжение своими инвестициями предпочли бы 30% респондентов по общей выборке и 35% группы «с выраженной установкой на инвестирование»; доверить распоряжение средствами специалистам предпочли бы 45% и 51% соответственно.

Подавляющее большинство участников опроса (90%) признались, что у них лично не хватает знаний и информации для того, чтобы успешно вложить деньги в акции, и только 7% оценили свои знания как достаточные. Информации в СМИ на тему инвестирова-

ния респондентам категорически не хватает: 37% опрошенных, по их словам, такая информация вообще не встречается, еще 34% полагают, что, хотя она и попадает, ее недостаточно, и всего 15% говорят, что информации хватает. Из тех, кому попадает такая информация, более половины (или 32% по выборке в целом) заявили, что она, как правило, им непонятна. Не вызывает трудностей восприятие такой информации у меньшей части тех, кто ее потребляет (в целом по выборке — 21%).

Какие наиболее популярные среди респондентов источники информации, к которым они обратились бы при покупке акций? Отвечая на этот вопрос, можно было отметить несколько источников: 60% предпочли бы советы специалистов финансовой сферы, которых знают лично; 48% — советы знакомых, имеющих опыт покупки акций; 26% — советы родственников и знакомых, с которыми обычно обсуждают финансовые вопросы; 22% — обратились бы к рекомендациям сотрудников финансовых компаний, 18% — прислушались бы к советам финансовых аналитиков, выступающих в СМИ; 12% — предпочли бы воспользоваться сведениями, которые можно получить на семинарах и учебных курсах, 8% — предпочли бы воспользоваться информацией интернет-сайтов, посвященных финансам, 6% — прислушались бы к советам журналистов или к рекламе, 4% — прислушались бы к информации на сайтах отдельных финансовых компаний.

При этом респонденты не доверяют ни одному отдельно взятому источнику информации полностью и безоговорочно, за исключением компетентных друзей и близких. Причем наличие в кругу знакомых «полезных людей» в целом очень высоко оценивается респондентами, так как находится в шаге от доступа к инсайдерской информации, которая, по общему мнению, и определяет успешность поведения на рынке инвестиций.

Выводы

Основные типические характеристики поведения казахстанского розничного инвестора: иррациональность в процессе принятия инвестиционных решений; инфантилизм представлений о защите интересов инвесторов на фондовых рынках; запрос на защиту со стороны государства и финансовых институтов; убежденность, что на фондовом рынке преобладают спекулянты, а мнение аналитиков не отражает его реального состояния.

Представления о своих правах и рисках у казахстанских розничных инвесторов отличаются противоречивостью. Немногим более половины респондентов в той или иной мере осознают, что ответственность за риски, связанные с вложениями в ценные бумаги, лежит на вкладчиках и в ситуации, когда стоимость акций резко падает, возмещать убытки инвесторам никто не обязан. В то же время более трети респондентов уверены, что возмещать убытки в таком случае обязано государство (особенно речь идет об акциях национальных компаний).

Результаты опроса свидетельствуют, с одной стороны, об инфантильности казахстанцев в финансовой сфере, а с другой — о том, что у розничного инвестора существует запрос на защиту со стороны государства — как минимум, от мошенничества компаний-посредников на финансовых рынках. В то же время для респондентов характерно недоверие к финансовой системе, порожденное финансовым и юридическим опытом граждан. Кроме того, присутствует убежденность в том, что и инвестиционные компании не защищены ни от государства, ни от криминальных структур — они тоже могут лишиться своего бизнеса и оказаться неспособными ответить по имеющимся обязательствам. Главной причиной низкой инвестиционной активности населения на финансовом рынке является не столько отсутствие финансовой возможности осуществлять сбережения, а, скорее, недоверие к инструментам фондового рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт Казахстанской фондовой биржи KASE // <http://www.kase.kz>.
2. Бердникова Т.Б. Модернизация безопасности национального фондового рынка: проблемы и поиск решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2010. — №1. — Т. 3. — С. 30—46 (С. 33).
3. Сайт Национального банка РК // <http://www.nationalbank.kz>.
4. Там же.
5. Economic and social survey of Asia and the Pacific 2012 Pursuing shared prosperity in an ERA of turbulence and high commodity prices. — United Nations, 2012. — 236 p. // <http://www.apec-center.ru>.
6. Кошанов А. Индустриально-инновационные вызовы глобализации и новые императивы социализации общественного производства в Казахстане // Экономика: стратегия и практика. — 2012. — №2 (22). — С. 6—11.
7. Бурачевский Д.В., Скуратовский М.Л., Решетникова И.В., Ярков В.В. Защита прав инвесторов. — СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 552 с.
8. Кохен Д. Психология фондового рынка: страх, алчность и паника. — М.: Интернет-трейдинг, 2004. — 364 с.
9. Сайт Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO) // <http://www.iosco.org>.

10. Защита прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг / Под ред. М.К. Треушникова. — М.: Городец, 2009. — 400 с.
11. Шамраев А.В. Правовое регулирование международных банковских сделок и сделок на международных финансовых рынках. — М.: КноРус, ЦИПСИР, 2010. — 160 с.
12. Ботл Дж. Руководство разумного инвестора. Единственный надежный способ инвестировать на рынке ценных бумаг (The Little Book of Common Sense Investing: The Only Way to Guarantee Your Fair Share of Stock Market Returns) / Пер. с англ. Н. Коневская. — М.: Вильямс, 2010. — 192 с.
13. Демирлоч-Кунт А., Бек Т., Хонван П. Финансовые услуги для всех? Стратегии и проблемы расширения доступа (Finance for All? Policies and Pitfalls in Expanding Access) / Пер. с англ. И. Шафикова. — М.: Альпина Паблишер, 2011. — 312 с.
14. Основы государственного регулирования финансового рынка: Учебное пособие для юридических и экономических вузов / А. Рот, А. Захаров, Я. Миркин и др. — 2-е изд., переработанное и дополненное. — М.: Юстицинформ, 2009. — 624 с.
15. Норман П. Сантехники и провидцы. Расчеты по сделкам с ценными бумагами и европейский финансовый рынок (Plumbers and Visionaries: Securities Settlement and Europe's Financial Market) / Пер. с англ. О. Антонова. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 528 с.
16. Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан в посткризисный период (утверждена Указом Президента РК от 1 февраля 2010 года №923) // Официальный сайт Президента РК, 2012 // <http://www.akorda.kz>.
17. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования банковской деятельности и финансовых организаций в части минимизации рисков». Астана, 28 декабря 2011 года №524-IV-ЗРК // ИС Параграф // <http://www.zakon.kz>.

Медиаторство как способ урегулирования социальных конфликтов

АЛПЫСБАЕВ Т.М.

Урегулирование социальных конфликтов предполагает совместную деятельность его участников, направленную на прекращение противодействия и решение проблем, которые приводят к конфликтной ситуации. Урегулирование конфликтов предполагает активность обоих участников или хотя бы одного из них по преобразованию условий, в которых они взаимодействуют.

Урегулирование социальных конфликтов отличается от разрешения тем, что в устранении причин конфликтной ситуации может принимать участие третья сторона. Ее участие возможно как с согласия противоборствующих сторон, так и без их согласия.

Опыт показал, что участие в завершении конфликта нейтральных лиц помогает конфликтующим сторонам решить проблему. Исследования, проведенные А.Я. Анцуповым, С.Л. Прошановым, А.И. Шипиловым и другими учеными, подтверждают положительное влияние третьих лиц на разрешение конфликтов.

Вмешательство в естественное развитие конфликтной ситуации должно осуществляться компетентными людьми. Особенности управления конфликтами во многом определяются их спецификой как сложного социального явления. Важным принципом управления конфликтом является *принцип компетентности*. Во-первых, люди, вмешивающиеся в развитие конфликтной ситуации, должны обладать общими знаниями о характере возникновения, развития и завершения конфликтов вообще. Эти знания могут быть следствием их теоретической подготовки или богатого жизненного опыта. Во-вторых, необходимо собрать максимально разностороннюю, подробную содержательную информацию о конкретной ситуации. Радикальность вмешательства в конфликты не должна превышать глубины наших знаний о них. Управлять можно только тем, что хо-

рошо знаешь. В противном случае управление может привести к результатам худшим, чем те, которые были бы при естественном развитии событий.

Регулирование конфликтов требует соблюдения еще и такого принципа: *не блокировать развитие противоречия, а стремиться разрешить его неконфликтными способами*. Можно пытаться заставить оппонентов отказаться от своих намерений, не допускать их борьбы и т.п. Лучше все же дать возможность людям защищать свои интересы, но добиться, чтобы они делали это путем сотрудничества, компромисса, избегая конфронтации. Желательно не менять радикальным образом содержание развития событий, а сделать так, чтобы форма разрешения назревшего противоречия была конструктивной и мирной.

Немаловажным фактором, влияющим на положительное завершение социальных конфликтов, является участие третьей стороны в их урегулировании, о котором упоминалось выше, или медиация. Медиация — это посредничество, мирный способ разрешения споров при содействии третьего, непосредственно не участвующего в споре лица [1]. Другими словами, медиация — это специальный вид деятельности, заключающийся в конструктивном завершении социальных конфликтов с участием третьей стороны в процессе поиска конфликтующими сторонами решения проблемы, что позволило бы прекратить конфликты.

По мнению Н.В. Гришиной, посредничество — это форма работы, объединяющая психологические представления о работе с конфликтами, возможности ситуационного подхода и опыт, накопленный конфликтологической традицией, основывающейся, прежде всего, на переговорной практике, использование идей медиаторства в организации коммуникативного процесса между участниками конфликта и поиске соглашения между ними [2].

Медиатор может иметь дело с конфликтом, участники которого вообще не связаны никакими отношениями, кроме данной конкретной ситуации. Он направляет свою деятельность на принятие решения по данной конкретной ситуации [3].

В роли третьей стороны выступает, как правило, один человек, реже — группа профессионалов. Такой способ существовал еще в древнем Китае, африканских и среднеазиатских странах, где старейшины рода или племени выступали в качестве своеобразных профессиональных медиаторов, обеспечивая бесконфликтное разрешение конфликтов [4]. В истории Казахстана известны многочис-

ленные факты, когда роль посредника в конфликтных ситуациях исполняли бии.

Официальное медиаторство предполагает наличие у медиатора нормативного статуса или возможности воздействия на оппонентов. Неофициальное медиаторство заключается в отсутствии нормативного статуса медиатора, но участники социального конфликта признают неформальный авторитет этих лиц при решении сложных проблем.

Именно медиаторская деятельность, ее возможные формы и разновидности, стили и техники медиации являются главным предметом теоретического осмысления и эмпирического изучения в данной области, одной из проблем техники медиаторства [5].

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов в зависимости от степени контроля медиатора за принимаемым решением выделяют несколько ролей третьей стороны в конфликте: третейский судья, арбитр, посредник, помощник и наблюдатель [6].

Третейский судья — наиболее авторитарная роль, так как он обладает наибольшими возможностями по определению вариантов решения проблемы. Третейский судья изучает проблему, выслушивает обе стороны и выносит вердикт, который не оспаривается. Для него главное — действовать по закону.

Арбитр — также обладает значительными полномочиями. Он изучает конфликт, обсуждает его с участниками, а затем выносит окончательное решение, которое обязательно для выполнения. Однако с его решением стороны могут не согласиться и обжаловать в вышестоящих инстанциях.

Посредник — ему принадлежит нейтральная роль в регулировании конфликта. Обладая специальными знаниями, он обеспечивает конструктивное обсуждение проблемы, но окончательное решение остается за оппонентами.

Помощник — в регулировании конфликта участвует с целью совершенствования процесса обсуждения проблемы, организации встреч и переговоров, не вмешиваясь в полемику по поводу содержания проблемы и принятия окончательного решения.

Наблюдатель — своим присутствием в зоне конфликта сдерживает стороны от нарушения ранее достигнутых договоренностей или от взаимной агрессии. Присутствие наблюдателя создает условия для решения спорных вопросов путем переговоров.

Ныне многими российскими конфликтологами выделяется целый ряд условий, в которых целесообразен тот или иной тип медиатор-

ства. Высокоавторитетный стиль выгоден, если требуется быстрое решение; если конфликт длителен, позиции сторон определены, но они не могут найти взаимоприемлемого решения. Он также эффективен при ужесточении конфликта, его нагруженности эмоциями. После того как участники «остынут», возможно применение менее авторитарных стилей. При доверии оппонентов к третьей стороне авторитарный стиль воспринимается легче. Наличие у оппонентов навыков обсуждения проблем повышает эффективность неавторитарного стиля [7].

Ситуации, с которыми сталкивается медиатор, сложны и разнообразны, и в связи с этим процесс медиации не имеет жесткой структуры. Можно выделить лишь три основных этапа [8]:

1. Знакомство с конфликтом и конфликтующими сторонами, когда медиатор изучает историю проблемы, требования оппонентов; многие конфликты носят специфический характер, медиатору приходится вникать в проблему, читать соответствующую литературу, консультироваться со специалистами.

2. Работа с конфликтующими сторонами. Медиатор, как правило, многократно встречается с каждой из сторон с целью их подготовки к проведению совместных переговоров (уточняются требования, снимаются обвинения, смягчаются формулировки и т.д.).

3. Ведение переговоров — наиболее важный этап. В ходе их медиатор выполняет ряд функций: ведущего, тренера, «толкача», педагога и т.д. Он следит за тем, что и как говорят оппоненты, при необходимости поправляя, подбадривая или осуждая их. Важно, чтобы каждая встреча была отмечена пусть небольшим, но реальным продвижением вперед.

Проведенное нами исследование позволило выявить деятельность третьей стороны в конфликтах, имевших место в ВС РК. Так, 54% опрошенных указали на то, что в процесс разрешения социального конфликта вмешиваются третьи лица.

Анализ способов и методов работы офицеров, пытавшихся повлиять на ход и результаты конфликта в воинском подразделении, позволил определить основные подходы и способы взаимодействия посредников с конфликтующими сторонами.

Наиболее часто в практике разрешения социального конфликта ими применялись:

- беседы с одним из участников конфликта;
- беседы с обеими конфликтующими сторонами;
- беседы с командирами конфликтующих;

- беседы со свидетелями конфликта и сторонниками каждой из сторон.

Опрос показал, что в 73,4% изученных социальных конфликтов сами офицеры выявили истинные причины конфликтного взаимодействия сторон. Только в 17,5% случаев конфликтного поведения не были объяснены их причины.

В ходе выяснения причин конфликта и попытках примирить конфликтующие стороны, офицеры, выступавшие с посреднической миссией, вели себя следующим образом:

- вставали на сторону одной из конфликтующих сторон — 62%;
- поддерживали обоих конфликтующих — 16%;
- занимали нейтральную позицию — 22%.

Как видим, почти в каждом втором случае посредник примыкает к одной из конфликтующих сторон, что резко усиливает агрессию конфликтующих.

Анализируя посредническую миссию, в качестве результативности ее деятельности возьмем два параметра:

- влияние вмешательства третьей стороны на ход и результат конфликта;
- степень разрешения конфликтной ситуации.

Оценивая влияние вмешательства в конфликт в воинском подразделении, респонденты отметили, что работа посредников:

- оказала положительное влияние — 40,2%;
- фактически не повлияла на конфликтующих — 20,7%;
- оказала отрицательное влияние — 8,2%;
- оказала значительное положительное влияние — 7,6%;
- оказала значительное отрицательное влияние — 1,2%;
- затруднились ответить — 22,1%.

В целом, как показывает исследование, вмешательство в конфликт третьей стороны выполняет положительную роль — в 47,8%, то есть в каждом втором случае вмешательство офицера оказало положительное влияние.

Негативную роль сыграло вмешательство только в каждом десятом случае, что, на наш взгляд, обусловлено в том числе и недостаточной подготовкой посреднической стороны, неправильным поведением третьей стороны в конфликте.

В качестве второго критерия, который мог бы отразить эффективность деятельности посреднической стороны в конфликте военнослужащих, мы предлагаем рассмотреть степень разрешения конфликтной ситуации.

Результаты исследования показали, что при вмешательстве в конфликт третьей стороны, он:

- разрешен полностью — 56,7%;
- разрешен частично — 32,4%;
- фактически не разрешен — 8,6%;
- противоречие еще более обострилось — 2,3%.

В случае же, когда конфликт руководителя и подчиненного протекал без вмешательства третьих лиц, степень разрешения конфликта выглядела следующим образом:

- разрешен полностью — 8,3%;
- разрешен частично — 12,6%;
- фактически не разрешен — 46,4%;
- противоречие еще более обострилось — 32,7%.

В целом анализ данной информации с некоторыми допущениями дает возможность предположить, что вмешательство в конфликты третьей стороны положительно сказывается на разрешении противоречий, вызвавших конфликты в воинских подразделениях. Конечно, нельзя утверждать, что посредническая сторона способна разрешить самые различные конфликтные ситуации. Трезвая и объективная оценка сложившейся конфликтной ситуации способна дать или подсказать наиболее оптимальный способ урегулирования конфликтов подобного типа. Регулирование или разрешение любого конфликта становится своего рода резонатором социального организма, каким являются воинские подразделения.

Таким образом, вмешательство в конфликты благотворно влияет на состояние взаимоотношения в нем. Преобладающее большинство членов воинских подразделений поддерживают вмешательство посредников, считая, что в данном случае будет соблюдено относительное равноправие конфликтующих сторон и позволит более устойчиво и целенаправленно добиваться справедливого урегулирования конфликтов.

Можно утверждать, что участие посредника в конфликтах оказывает влияние на:

- качество служебно-профессиональной деятельности каждой из конфликтующих сторон;
- повышение эффективности деятельности воинских подразделений, в которых происходят конфликты;
- на взаимоотношения самих конфликтующих;
- на взаимоотношения в воинских подразделениях в целом.

Как показывает практика и результаты исследования, итог конфликтов зависит от того, какую позицию занимает посредник. Чем

нейтральнее его позиция, чем больше он заинтересован в примирении конфликтующих сторон и справедливом урегулировании конфликтов, тем более благоприятное воздействие оказывает его вмешательство на конфликтующие стороны и все воинское подразделение.

В случае вмешательства посредника в конфликт, возникший в воинских подразделениях, целью которого является прекращение конфликтных взаимодействий конфликтующих сторон, можно предложить следующие механизмы урегулирования конфликтов, разработанные российским военным социологом С.Л. Прошановым:

- воздействие третьей стороны, выступающей с посреднической миссией, на предмет конфликта, то есть на то противоречие, которое вызвало конфликт с целью его разрешения или ослабления;
- воздействие посреднической стороны на каждого оппонента (и руководителя, и подчиненного). Стремление разобраться в потребностях, мотивах, интересах и целях конфликтующих сторон с целью их согласования и примирения;
- воздействие на группы поддержки (сочувствующих) каждой из противоборствующих сторон как на формальном, так и на неформальном уровне с целью их нейтрализации или привлечения для урегулирования или разрешения конфликта (см. рис.) [9].

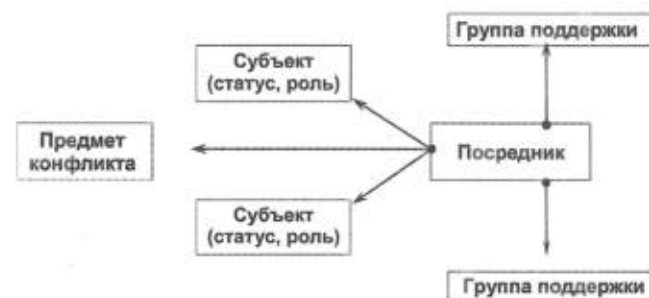

Рис. Основные направления воздействия посреднической стороны на состояние конфликтных взаимодействий военнослужащих

Источник: Прошанов С.Л. Конфликт в сфере социального взаимодействия военного руководителя и пути его разрешения: Дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. — М.: ВУ, 1995. — 154 с.

Наибольший эффект в работе посреднической стороны дает использование комплексного воздействия на все элементы структуры конфликтов. Данная работа требует особой подготовки посредника, так как на основе только собственного опыта, без достаточного знания урегулировать конфликт не всегда удастся. Важной, но в то

же время и трудной задачей является разрешение противоречия, вызвавшего конфликт.

При назначении лица для выполнения функций посредника командир или заместитель командира по ВСПР должен стремиться к тому, чтобы этот человек отвечал следующим требованиям:

- знал личности обоих конфликтующих сторон и реально представлял те задачи и особенности служебно-профессиональной деятельности, которые они решают;
- знал воинские подразделения, где происходит конфликт, проблемы и сложности их функционирования;
- имел навыки неконфликтного общения с окружающими и являлся авторитетом для обеих конфликтующих сторон. В крайнем случае необходимо, чтобы конфликтующие стороны не относились к нему негативно. Как показало исследование, если не будут выполнены эти условия, то, как правило, конфликт приобретает затяжной характер, еще более обостряется и заходит в тупик. Тогда конфликт придется разрешать административно-принудительным методом.

Основная проблема в работе по урегулированию конфликтов — объективная оценка сложившейся конфликтной ситуации, ее анализ, принятие оптимального решения по ее ослаблению либо разрешению.

Современные военные социологи и личный анализ автора дают возможность предложить примерную методику работы посредника как официального лица с тем, чтобы разобраться и урегулировать конфликт, возникающий в воинских подразделениях, поэтапно:

I этап. Выявление участников конфликтного взаимодействия, инициатора события, послужившего началом открытого столкновения конфликтующих сторон. Добиться ответа на вопрос: «Каковы мотивы и цели вступления в конфликт, преследуемые каждой конфликтующей стороной?».

II этап. Выяснение причин конфликта, оценка характера основного противоречия.

III этап. Изучение конфликтующих, их индивидуальных особенностей, свойств и черт характера, интересов и потребностей.

IV этап. Выяснение отношения к происходящему конфликту других членов воинского подразделения; выявление по возможности сочувствующих и поддерживающих противоборствующие стороны в конфликте.

Все эти этапы представляют собой конкретный анализ сложившейся конфликтной ситуации, которую предстоит разрешить или

урегулировать. Знание особенностей возникновения конфликтов, социально-психологических характеристик оппонентов, отношения воинских подразделений к конфликтам позволяет выработать оптимальные пути урегулирования возникших конфликтов.

Оценив сложившуюся конфликтную ситуацию, посредник должен определить:

- достаточен ли его уровень компетентности и полномочий для урегулирования конфликта; способен ли он нейтрализовать то противоречие, которое вызвало конфликт, и разрешить его;
- если же воздействие на предмет конфликта невозможно в силу объективных причин, то его задачей является урегулирование конфликта — ослабление конфликтного взаимодействия между конфликтующими сторонами, снижение накала эмоций и приведение противостоящих сторон к взаимным уступкам и компромиссу, а в лучшем случае — к сотрудничеству.

Таким образом, урегулирование конфликтов в воинских подразделениях при помощи медиатора (третьей стороны) является одним из основных путей выхода из самой сложной конфликтной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. — 488 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. — СПб: Питер, 2004. — 464 с.
3. Анцупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. 2-е издание. — СПб: Питер, 2009. — 304 (С. 255).
4. Кибанов А.Я., Ворожейкин И.Е., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Конфликтология. — М., 2008. — 302 с.
5. Гришина Н.В. Указ. соч.
6. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. 3-е издание. — СПб: Питер, 2007. — 591 с.
7. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. — М.: ЮНИТИ, 1999. — 551 с. (С. 486).
8. Алешина Ю.Е. Проблемы теории и практики медиации // Личность, общение, групповые процессы: Сб. обзоров. — М., 1991. — С. 90—100.
9. Прошанов С.Л. Конфликт в сфере социального взаимодействия военного руководителя и пути его разрешения: Дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. — М.: ВУ, 1995. — 154 с.

Исследование конфликтного потенциала государств: обзор аналитических моделей

ИСКАКОВ Е.Н.

Конфликты являются неотъемлемой частью развития любого общества. Основания для конфликтов, как утверждал американский социолог Льюис Козер, существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции [1]. В последние годы определению источников и причин возникновения внутренних конфликтов было посвящено большое количество межстрановых эмпирических и ситуационных исследований. Несмотря на то, что в настоящее время среди ученых нет единого подхода к определению конфликта, его причин и пониманию его последствий для социально-экономического и политического развития государства, необходимость предупреждения конфликтов очевидна.

Внутренние конфликты (гражданские войны, восстания, мятежи, перевороты, протесты, забастовки, революции) [2] препятствуют социальному и экономическому развитию страны. По оценкам Всемирного банка, на сегодняшний день ни одна из нестабильных или затронутых конфликтами стран с низким уровнем дохода еще не достигла ни одной из целей области развития, провозглашенных в Декларации тысячелетия ООН. Серьезная вспышка насилия, в отличие от стихийного бедствия или экономического цикла, способна свести на нет экономические успехи, достигнутые трудом целого поколения [3]. Конфликт — прогнозируемое явление, он не возникает внезапно; недостаток информации или отсутствие своевременного и компетентного анализа ситуации может объяснить «внезапность» конфликтов для тех, кто пытается определить их причины.

Первым шагом к предупреждению конфликта является прогноз того, где, когда и по какой причине он может возникнуть. Анализ конфликтного потенциала, как и любая другая исследовательская работа, состоит из следующих этапов:

- 1) сбор информации (количественные и качественные данные, мониторинг которых может указывать на изменения в общественно-политической и экономической жизни страны);
- 2) обработка и анализ данных;
- 3) определение наиболее актуальных тенденций и различных сценариев развития ситуации;
- 4) разработка рекомендаций по предупреждению конфликтов [4].

В настоящее время не существует общепринятого механизма мониторинга, который бы позволял распознать угрозы и риски стабильности социально-политической и экономической обстановки в рамках отдельно взятой страны или региона. Традиционно можно выделить три основные группы аналитических моделей, используемых для прогнозирования кризисных ситуаций:

1. Модели, основанные на анализе баз данных, включающих в себя различные статистические индикаторы, ежегодно обновляемые Всемирным банком и ООН.

2. Модели, использующие оценки экспертов (представляющих исследовательские институты, правительственные и неправительственные организации), основанные на опросах и глубинных интервью.

3. Модели, основанные на целенаправленном отслеживании и анализе сообщений СМИ («замеры» частоты упоминания проблем и «ситуаций», по данным мировой, национальной и местной прессы и новостных агентств), с целью оценки рисков возникновения конфликтов [5].

К наиболее известным моделям анализа и прогнозирования конфликтов можно отнести:

- Систему индикаторов раннего предупреждения Стокгольмского международного института по исследованию мира (SIPRI);
- Руководство по анализу конфликтов и мира и раннему реагированию (Conflict and Peace Analysis and Response Manual) Форума по раннему предупреждению и реагированию, Великобритания (The Forum on Early Warning and Early Response);
- Модель анализа конфликтов Всемирного банка (The World Bank Conflict Analysis Framework);
- Перечень основных причин конфликтов, разработанный Европейской Комиссией (EC Check-list for Root Causes of Conflict);

▪ Системную модель оценки конфликтов (The Conflict Assessment System Tool (CAST), аналитическую модель для раннего предупреждения и оценки рисков в недееспособных государствах, разработанную Американским фондом мира, США;

▪ Методику Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Россия (Институт этнологии и антропологии РАН) [6].

Основой для анализа конфликтного потенциала стран в упомянутых моделях выступает совокупность различных показателей (индикаторов) конфликтности. К примеру, Перечень основных причин конфликтов, разработанный Европейской комиссией, состоит только из таких качественных показателей, как «инклюзивность политической системы/равный доступ к политической деятельности», «наличие реакционных и революционных движений», «социальное неравенство» и др. Большое внимание в данных моделях уделяется структурным факторам (коренным причинам), влияющим на возникновение конфликтных ситуаций (например, уровень бедности, безработицы среди молодежи).

Сравнительный анализ указанных моделей позволяет выделить три основные категории индикаторов, используемых в изучении конфликтного потенциала государства. Каждая категория включает в себя показатели-переменные, с помощью анализа которых и осуществляется оценка конфликтного потенциала государства:

1. Экономические индикаторы:

- ВВП на душу населения, валовой национальный доход (ВНД);

- уровень бедности;
- уровень безработицы;
- неравенство в доходах;
- инфляция;
- уровень диверсификации экономики;
- состояние окружающей среды.

2. Социально-культурные индикаторы:

- уровень толерантности;
- дискриминация расовая, этническая, языковая, религиозная;
- миграционная ситуация;
- доступ к СМИ;
- социальная напряженность, поляризация;
- прошлые конфликты и коллективные травмы.

3. Политические индикаторы:

- уровень коррупции;

- нарушение прав и свобод человека, верховенство закона;
- политические и административные реформы;
- политическая стабильность, выборы и сменяемость власти;
- уровень доверия к государственным структурам;
- качество государственных услуг;
- нестабильная ситуация в соседних странах, региональные конфликты;
- расходы на оборону, вмешательство военных в политическую жизнь.

Идея индикаторов для выполнения обобщенного и достаточно быстрого анализа не является новой. Ею пользуются разные структуры и организации. Важно адаптировать (правильно выбрать) индикаторы с тем, чтобы система показателей соответствовала ситуации в изучаемой стране и позволяла выполнить объективный и адекватный анализ [7]. Данный перечень индикаторов не является исчерпывающим. В зависимости от цели и объекта исследования, перечень может обновляться и дополняться новыми показателями.

Выбор индикаторов в указанных моделях оправдывается как теоретическими положениями об источниках конфликта, так и результатами эмпирических исследований, раскрывающих связь между ухудшением показателей по тем или иным индикаторам и наличием конфликтов в стране.

Источники и причины конфликтов: теория

В развитие конфликтологии и разработку современных концепций конфликтов в XX в. внесли вклад такие выдающиеся ученые, как Г. Зиммель, Т. Парсонс, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг и др. Подходы указанных авторов к объяснению природы, причин и роли конфликтов в общественном развитии различались: утверждения о том, что конфликт — нормальное общественное явление (и порой имеет позитивный потенциал, потому что, как утверждал Зиммель, «...враждебность и взаимные антагонизмы... поддерживают целостность системы, устанавливая равновесие между составляющими ее частями» [8]), дополнялись заключениями о том, что конфликт — социальная аномалия и является результатом нарушения общественного договора, что эскалация насилия лежит в самой природе человека.

Большой вклад в развитие теоретических аспектов исследований конфликтов внесли: «теория человеческих потребностей», разработанная Джоном Бертоном, и концепция «относительной депри-

вазии» Теда Гурра. Бертон считал конфликт естественным следствием неудовлетворенных человеческих потребностей, то есть, что источником затяжного конфликта служат базовые потребности его участников (например, потребности в самореализации, идентичности, безопасности и справедливом распределении): «Жизненный опыт наводит на мысль, что это именно так: существуют совершенно отчетливые пределы в способности добровольного подчинения. Молодой человек, окончивший школу, может предполагать, что в первое время он столкнется с проблемами в поисках работы. Однако длительное пребывание в статусе безработного, ведущее к переживанию своего ничтожества и отчуждения, неприемлемо. Самоубийство, воровство, уличные банды, насилие по отношению к мигрантам и конкурирующим этническим группам — становятся вполне понятной реакцией. Член группы этнического меньшинства, испытывающий чувство дискриминации в дополнение к другим угрозам своей идентичности и признанию как личности, скорее всего, будет действовать еще более рискованно — станет членом террористической группы и будет стремиться достичь успеха антисоциальными и деструктивными способами» [9].

Особое место среди теорий, объясняющих возникновение столкновений, социальных волнений на этнической и расовой почве, занимает концепция (относительной) депривации. Депривация — состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей. В социологии используются понятия абсолютной и относительной депривации. Т. Гурр особо подчеркивал значение состояния определенной группы относительно состоянию (положению) других групп (относительная депривация).

Абсолютная депривация — невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т.д.

Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (блага и условия жизни, которые, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (блага и условия жизни, которые люди, как опять же им представляется, могут получить в реальности). Чем больше разница (расхождения) между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями, тем больше неудовлетворенности своим нынешним состоянием испытывает человек. Когда неудовлетворенность носит

системный характер на расовом и этническом уровне, вероятность возникновения столкновений, охватывающих различные расовые и этнические группы, очень велика [10]. Стоит отметить, что теория относительной депривации не была подтверждена эмпирически. Практически во всех исследованиях причин гражданских войн взаимосвязь между экономическим неравенством и конфликтами не нашла статистического подтверждения [11].

Обзор индикаторов конфликтного потенциала

Экономические индикаторы: уровень бедности, неравенство в доходах, безработица, ВВП, ВНД. Анализ современных конфликтов и споров показывает, что в любом из них прямо или косвенно присутствует экономическая подоплека. Если попытаться условно систематизировать ее по «удельному весу» и роли в том или ином конфликте, то он может выступать либо в качестве главной, либо одной из ряда других причин конфликтов (вместе с политическими и идеологическими) [12]. По мнению экспертов Всемирного банка, проблемы экономического благосостояния граждан (бедность, безработица) и несправедливость (в т.ч. неравенство и коррупция) являются основными причинами современных конфликтов [13].

Среди основных факторов, увеличивающих риск возникновения конфликтов, влияние которого было подтверждено целым рядом исследований, является уровень бедности. Аспекты бедности выходят далеко за рамки недостаточности доходов — они охватывают неудовлетворительное состояние здоровья и питания, низкий уровень образования и квалификации, недостаток средств к существованию, плохие жилищные условия, социальную исключенность и низкое участие в общественной жизни.

Нельзя сказать, что бедность напрямую влияет на возникновение конфликтов. Скорее, влияние уровня нищеты проявляется косвенным образом: низкий уровень социальных услуг, высокий уровень коррупции, слабые силы безопасности [14]. Результаты исследований [15] показывают, что в странах с низким уровнем ВВП на душу населения и ВНД вероятность возникновения конфликтов очень высока. Более низкий ВВП на душу населения тесно увязывается как с крупномасштабными политическими конфликтами, так и с высокими показателями убийств. ВВП и ВНД на душу населения — наиболее часто используемые (ключевые) показатели уровня экономического развития страны. Показатели среднего уровня материального благосостояния, или «уровня жизни», граждан страны, независимо

от того, происходит ли это благосостояние из обладания более богатыми природными ресурсами или из более высокой эффективности их использования. Однако показатели ВВП и ВНД небезупречны в качестве меры действительного благополучия населения страны: по величине среднего душевого дохода никоим образом нельзя судить о том, какая доля населения живет в бедности или в опасных для здоровья условиях. Данные показатели не позволяют судить, насколько равномерно или неравномерно распределяются доходы между гражданами страны* [16].

Еще один важный экономический индикатор — уровень безработицы. Уровень безработицы среди молодежи следует рассматривать с особым вниманием, так как общества с преобладающим количеством молодежного населения являются потенциально революционными. По оценкам экспертов, на сегодняшний день в мире 67 стран с преобладающим молодежным населением и 60 из них сотрясают социальные беспорядки и насилие. И хотя демографы согласны, что коррупция, этнорелигиозный экстремизм, бедность и слабые общественные институты являются причинами конфликтов, тем не менее считают, что неотъемлемым фактором конфликта является демографический [17]. Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост (удельного веса) молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же, поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах.

Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15—24-х лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... — (включая и) большинство революций XX в. в развивающихся странах — произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» [18].

Весьма интересным в этой связи является пример революций, охвативших в начале 2011 г. страны Ближнего Востока и Северной Аф-

* Наиболее широко применяемый показатель для измерения уровня экономического неравенства — индекс Джини. Значения коэффициента варьируются от 0 (совершенное равенство) до 10 (совершенное неравенство) или от 0 до 100 в процентах. 1 доллар 25 центов — принятый в настоящее время показатель предельной бедности.

рики. Причина революций на Ближнем Востоке — демографический рост, рост цен на продовольствие (за прошедший год цены выросли на 32%), бедность и высокий уровень безработицы среди молодежи. В период с 1990 г. число молодых людей в возрасте 15—29-ти лет возросло и составило 50% населения в Ливии и Тунисе, 65% в Египте, 125% в Йемене. Многие из этих молодых людей имеют высшее образование. Проблема заключается в том, что демографический рост не подкреплён ростом числа занятых на рынке труда [19]. Здесь стоит подробнее рассмотреть вопрос о безработице в Египте. Ее уровень к началу Египетской революции был, по мировым меркам, не особенно высоким — порядка 9%. Но при этом надо учесть то обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относились именно к возрастной группе 20—24 года. Общее число безработных в Египте — порядка двух с половиной миллионов. Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной группы, которые и составили ударную силу революции. В общем-то, не удивительно, что администрация Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Экономика растет хорошими темпами (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства одни из самых благополучных в Третьем мире [20].

Социально-культурные индикаторы: уровень толерантности, дискриминация расовая, этническая, языковая, религиозная, прошлые конфликты и коллективные травмы. Возможно, общинный (религиозно-этнический и культурный) состав — это самый значительный фактор, имеющий отношение к затяжному социальному конфликту. Если общество является многообщинным, в нем существует серьезный потенциал для затяжного социального конфликта [21]. Несмотря на то, что мы привыкли рассматривать войны как явления, происходящие между государствами, современные войны все больше возникают между различными группами, проживающими на территории одного государства, относящегося к числу развивающихся стран. Систематическая экономическая дискриминация против определенной группы людей, основанная на этнолингвистических и религиозных различиях, крайняя нищета и плохие социально-бытовые условия являются побуждающими факторами конфликтов. Подтверждением тому служит тот факт, что многие гражданские войны современности имеют этнический и националистический аспект. Дискриминация может проявляться в несправедливом распределе-

нии расходов, доходов, ограничении возможностей определенной группы в вопросах участия в государственном управлении, работы в государственных органах страны. Большие этнические группы, не представленные во власти, склонны бороться против существующего политического режима насильственными методами [22].

Значение прошлых конфликтов можно объяснить тем, что в XXI в. 90% гражданских войн происходили в странах, уже переживших гражданскую войну в течение предшествующих 30-ти лет. Очень небольшое число стран действительно являются «постконфликтными». Количество вспышек насилия в странах, ранее переживших конфликты, с 1960-х гг. растет, и все гражданские войны после 2003 г. вспыхивали в странах, ранее уже переживших гражданские войны [23].

Политические индикаторы: коррупция, нарушение прав человека, уровень доверия к государственным структурам, политическая стабильность. Социолог Джефф Гудвин, исследовав революции XX в., приходит к заключению, что политические факторы играют более важную роль, чем экономические. Риск вспышек конфликтов и насилия в любом обществе (в масштабах страны или региона) определяется сочетанием воздействия факторов внутреннего и внешнего стресса и прочностью «иммунной системы», или способностью общества справляться со стрессом, получившей свое выражение в легитимных институтах. В этом плане большое значение имеют как государственные, так и негосударственные институты.

Институты предполагают определенные социальные нормы и модели поведения (например, способность лидеров вставать выше узкогрупповых и политических интересов и достигать компромиссов, способность гражданского общества добиваться укрепления национального и политического единства), а также наличие норм, законов и организаций.

Неспособность государства, рынков и общественных институтов обеспечить элементарную безопасность, справедливость и рабочие места для граждан может приводить к эскалации конфликтов. Внимание исследователей к такому индикатору, как политическая стабильность/политические и административные реформы, обусловлено тем, что риски возникновения конфликтов в переходный период очень велики, тогда как вероятность возникновения конфликта очень низка в государствах с устоявшимися демократическими или авторитарными институтами.

Нарушения гражданских и политических прав (право на жизнь, личную свободу и безопасность) напрямую влияют на возникно-

вание конфликтов. Права тесно связаны с проблемой обеспечения основных потребностей и участия граждан в политической жизни. Репрессии (массовые убийства, тюремные заключения, пытки и т.п.) со стороны государства — главный побуждающий фактор. Индивиды могут годами терпеть экономическое неравенство и дискриминацию, однако они могут прибегнуть к насильственным методам борьбы, когда им угрожают физически [24].

В последнее время возрастает значение таких показателей, как качество (эффективность) государственного управления и связь между степенью удовлетворенности человека качеством своей жизни и эффективностью государственного управления*. Эффективное государственное управление, включающее в себя качество оказываемых государством услуг, степень независимости государственной службы от политического давления, качество работы правоохранительных органов, судов, уровень коррумпированности и меры, принимаемые для борьбы с ней, является неотъемлемой частью качественного государственного управления.

Существует положительная линейная корреляция между качественным госуправлением и удовлетворенностью граждан своим нынешним положением, иными словами, в странах, где правительство прилагает усилия для обеспечения безопасности, экономической свободы, качественного здравоохранения, соблюдения прав и других условий для стабильной и предсказуемой жизни, население ощущает себя более счастливым [25]. В странах, где показатели эффективности управления выше среднего, риск возникновения гражданских конфликтов в течение ближайших 5—10-ти лет значительно (на 35—40%) ниже. Этот факт подтверждает правильность ориентиров, которых и ранее придерживалось политическое сообщество, например, упора, который Международная сеть по проблемам конфликтов и уязвимости делает на взаимосвязь между миростроительством и государственным строительством [26].

Анализ конфликтного потенциала рекомендуется проводить большинству государств мира. Даже если государство в прошлом не переживало масштабных конфликтов, анализ конфликтного потенциала дает возможность определить тенденции и процессы, требую-

* К основным процессам, связанным с системой государственного управления, относятся: порядок формирования (избрания) мониторинга деятельности и сменяемости правительства; способность государственных органов эффективно определять и осуществлять политику в той или иной области; уважение граждан к функционирующим институтам, регулирующим экономические и социальные отношения в обществе. — See: Ott, J.C. *Government and Happiness in 130 Nations: Good Governance Fosters Higher Level and More Equality of Happiness // Social Indicators Research. 2011. — Volume 102. — Number 1. — Pp. 3—22.*

щие особого внимания, с тем чтобы определить стратегию развития, включающую в себя возможные пути предупреждения конфликтов в будущем [27]. Необходимо отметить, что наиболее объективная и полная оценка конфликтного потенциала предполагает сохранение баланса между выводами, основанными на изучении количественных данных, и выводами, основанными на изучении качественных данных, так как культурные, демографические и экономические характеристики страны не могут быть проанализированы только на основе статистических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козер Л. Функции социального конфликта. Пер. с англ. О.А. Назаровой. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — С. 180.
2. Азар Э.Е. Затяжной социальный конфликт: аналитические рамки. Урегулирование затяжного социального конфликта: возможности дипломатии второго уровня. — В кн.: Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е.Ю. Садовской, И.Ю. Чупрыниной; Конфликтологический центр, Алматы, Центр конфликтологии Института социологии РАН: В 3-х т. Т. 2. — Алматы, 2002. — С. 123—160.
3. World Development Report 2011: Conflict, Security and Development. The World Bank // <http://wdr2011.worldbank.org>.
4. Bobeica, M. et al. A Quantitative Analysis of "Root Causes of Conflict" // Integrated Series in Information Systems. — Volume 18, Terrorism Informatics. — Pp. 115—139.
5. Hagmeier-Gaverus, G., Weissmann, M. Early Warning Indicators for Preventive Policy. — A New Approach in Early Warning Research. Stockholm International Peace Research Institute, March 2003 // <http://www.sipri.org>.
6. Hagmeier-Gaverus, G., Weissmann, M. Op. cit.; Conflict and Peace Analysis and Response Manual. 2nd edition. Forum on Early Warning and Early Response, July 1999 // <http://reliefweb.int>; The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005 // <http://siteresources.worldbank.org>. — April 2005; European Commission Check-list for Root Causes of Conflict // <http://www.celpaz.org>; Conflict Assessment System Tool (CAST). An Analytical Model for Early Warning and Risk Assessment of Weak and Failing States. The Fund for Peace, 2006 // <http://www.fundforpeace.org>. — 2007; Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 г. — М., 2004.
7. Тишков В.А., Степанов В.В. Указ. соч.
8. Козер Л. Указ. соч.
9. Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // <http://www.berghof-handbook.net>; Бертон Дж. Теория потребностей // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований... Т. 3. — С. 203.
10. Гэпп Т.П. Почему люди бунтуют. — СПб: Питер, 2005; Chandra, S. The "Revolution of Rising Expectations", Relative Deprivation and the Urban Social Disorders of the 1960s: Evidence from State-Level Data // Social Science History. — Volume 29. — Number 2. — Summer 2005. — P. 300; Депривация. Энциклопедия практической психологии // <http://www.psychologos.ru>.
11. Sambanis, N. Poverty and the Organization of Political Violence // Brookings Trade Forum, 2004. — Pp. 165—211 // <http://muse.jhu>.
12. Кондаков А.Л. Экономические мотивы международных конфликтов. — В кн.: Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — С. 60.
13. Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие. Обзор. Всемирный банк, апрель 2011 г. // <http://wdr2011.worldbank.org>. — С. 9.
14. Thoms, Oskar N.T., Ron, J. Do Human Rights Violations Cause Internal Conflict? // Human Rights Quarterly. — Volume 29. — Number 3. — August 2007. — Pp. 674—705.
15. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Программа развития ООН // <http://www.un.org/ru>. — 2010; Spoor, M. Inequality, Poverty and Conflict in Transition Economies / Spoor, M. (ed.). Globalisation, Poverty and Conflict: A Critical 'Development' Reader. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2005. — Pp. 47—65; The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005 // <http://siteresources.worldbank.org>. — April 2005; Cederman, Lars-Erik et al. Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis // World Politics. — Volume 62. — Number 1. — January 2010. — Pp. 87—119.
16. Сравнение уровней развития стран. Всемирный банк // <http://www.worldbank.org>; Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения — информация об исследовании. Всемирный банк // <http://gtmarket.ru>.
17. Альжанова А. «Тестостероновая революция» порождает социальное напряжение и раскачивает политические институты // Литер. — 2011, 30 апреля // <http://www.liter.kz>.
18. Кортаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // <http://www.politstudies.ru>.
19. Goldstone, J.A. Understanding the Revolutions of 2011 // Foreign Affairs, May/June 2011. — Volume 90. — Number 3. — Pp. 11—12.
20. Кортаев А.В., Зинькина Ю.В. Указ. соч.
21. Азар Э.Е. Указ. соч. С. 129.
22. Murshed, M.S. Op. cit. Pp. 77—78; Cederman, Lars-Erik et al. Op. cit. Pp. 87—119; Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие...
23. Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие...
24. Там же; Murshed, M.S. Indicators of Potential Conflict / MICROCON Policy Briefing 1. — March 2008; Thoms, Oskar N.T., Ron, J. Op. cit.
25. Ott, J.C. Government and Happiness in 130 Nations: Good Governance Fosters Higher Level and More Equality of Happiness // Social Indicators Research. 2011. — Volume 102. — Number 1. — Pp. 3—22.
26. Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие...
27. The Conflict Analysis Framework (CAF). The World Bank, 2005 // <http://siteresources.worldbank.org>. — April 2005.

Роль математического моделирования в политологии

АСАНАЛИЕВ У.А.

Математическое моделирование давно уже стало неотъемлемым элементом научного образа мышления. Политологи рассматривают математические модели как упрощенные теории, позволяющие изучать взаимосвязи между различными политическими индикаторами. Математическая модель принимает во внимание большое число факторов, влияющих на переменные, которые стремится объяснить: связывает эти переменные, делая определенные предположения о поведении людей и об ограничениях, при которых люди должны делать выбор. Какую же роль играет математическое моделирование в общепринятой методологии политологического исследования? Как указывается в учебном пособии В.А. Ядова [1], близкая наука к политологии, программа теоретико-прикладного социологического исследования, должна включать следующие методологические элементы:

- 1) формулировку проблемы, определение объекта и предмета исследования;
- 2) определение цели и постановку задач исследования;
- 3) уточнение и интерпретацию основных понятий;
- 4) предварительный системный анализ объекта исследования;
- 5) развертывание рабочих гипотез.

По сути, этап программы должен «проявить образ предмета, сделать его ясно выраженным (эксплицированным), более четким и определенным. Предмет должен быть подвергнут своего рода «системному анализу», который в данном случае понимается как синоним всестороннего подхода к объекту [2]. Предварительный системный анализ предмета исследования — это, по существу, «моделирование» исследовательской проблемы» [3]. В результате объект изучения может быть представлен как «расчлененный на качественно различные элементы, связанные воедино в некоторую гипотети-

ческую систему». Результат предварительного анализа может быть представлен в виде графической схемы.

Описав сам процесс политического анализа и раскрыв каждый из его отдельных блоков, мы можем непосредственно перейти к конкретным методикам математического моделирования, применяемым в политологии.

Еще раз подчеркнем, что данные методы применимы к процедуре моделирования в нашем понимании этого термина, отличающегося от расширительного трактования его в западной политологии как участия в подготовке любых государственных решений. Это накладывает некоторые ограничения на предлагаемые учеными к использованию в политическом анализе модели. Ведь, согласно западному подходу, в сферу интересов применения моделей попадают: бюджетное планирование, налоговая политика, государственная инвестиционная политика, решения в области кредитно-денежного регулирования и т.д. Каждое из этих направлений имеет свои аналитические методы, которые, тем не менее, рассматриваются западными авторами как основные приемы политического анализа. Действительно, удельный вес политических, экономических решений во всех решениях, принимаемых органами государственного управления, является наиболее значимым. Но методы и модели, используемые при подготовке политических решений, далеко не всегда могут быть использованы собственно в политическом анализе и применены для решения задач, имеющих отношение не к государственному администрированию, а непосредственно к миру политическому.

Например, при решении политических задач достаточно часто используется анализ затрат и прибылей, предполагающий расчет затрат на реализацию какого-либо политического решения и прогнозирование ожидаемого экономического эффекта, измеряемого в денежных единицах. Но применить метод анализа затрат и прибылей для оценки эффективности того или иного хода в предвыборной кампании, рассмотрения возможности кадровых перестановок в правительстве, определения основных центров принятия политических решений в политической системе, принятия решения о вступлении в коалицию с какой-либо политической партией или отказе от нее, а также целого ряда других проблем, относящихся к политической сфере, будет крайне проблематично. Ведь в этом случае критерием оценки будет являться не только и не столько сугубо денежная выгода, ключевая для данного метода.

Аналогичным образом для решения стоящих перед политическим анализом проблем непригодны и другие, более комплексные механизмы политического планирования и разработки решений в политической области, например, система бюджетного планирования, системы политического целеполагания, часто описываемые западными учеными. Они способны решать лишь узкий круг политических задач, не выходя за их рамки.

Конечно, в каждом решении на уровне институтов государственной власти присутствует элемент политики — это касается и бюджетного процесса, и налоговых изменений, и социальной политики. Однако политические аспекты наличествуют практически у любого решения, связанного с властными структурами. Даже при принятии местными органами власти решения об ограничении выгула домашних животных первые должны просчитать возможность его влияния на электорат. Чем выше уровень института власти и чем большей части населения касается принимаемое им решение, тем больший политический эффект оно имеет. Однако рассматривать, скажем, бюджетное планирование как сугубо политическую задачу мы не можем, и поэтому включать его в сферу политического анализа нецелесообразно. По этой причине следует все же отделять собственно модель от модели экономического и ряда других типов модели, используемых властными институтами в процессе своего функционирования. Из этого следует и необходимость более тщательного отбора моделей, которые могут быть адаптированы к решению именно политических задач.

Таким образом, этап общепринятой программы политологического исследования может быть назван моделированием — процессом построения математической модели.

Учитывая разрастающийся кризис в современной политической теории, именно модельный подход способен сementировать теоретические и прикладные политологические исследования. Вместо фрагментарного анализа отдельных переменных рассмотрение их взаимосвязи, то есть математические модели, обеспечит целостность подхода, так как математическая модель, безусловно, обладает определенной степенью целостности и в этом смысле является системой.

Обилие определений систем и математических моделей значительно затрудняет сравнительный анализ этих базовых понятий. Особенным успехом у специалистов по теории систем пользуется афористичный тезис Б. Гейнса «Системой является все, что мы хотим рассматривать как систему» [4].

По мнению Гейнса, система характеризуется тем, что позволяет различать, что принадлежит ей, а что нет, и описывать взаимодействия с окружающей средой. То есть определяются входы и выходы системы и указывается, как повлияют на выходы системы те или иные воздействия на входах [5]. Эти рассуждения делают понятным смысл другого лаконичного определения: «Система — это потенциальный источник данных» [6]. Такое определение предполагает введение следующей расширительной трактовки понятия эксперимента.

«Эксперимент — это процесс извлечения данных из системы с помощью воздействия на ее входы».

«Модель (М) для системы (S) и эксперимента (E) есть все, к чему можно применить E для получения ответа на вопросы об S».

Таким образом, проводя эксперименты, мы собираем знания о системе, а математическое моделирование становится процессом организации знания о данной системе. Следовательно, в процессе математического моделирования мы строим и изучаем модель не объекта, а системы. Ясно, что и сама математическая модель, обладая определенной целостностью, тоже может рассматриваться как система.

По логике различений Гейнса, приступая к исследованию интересующего нас объекта, мы автоматически, по определению, начинаем заниматься системным анализом. Однако в определении Гейнса есть одна «лазейка». Если системы — это все, что мы хотим различать как системы, то что делать, если нам вдруг захочется рассматривать интересующий нас объект как-то по-другому, не ограничивая себя системными шорами и не связывая себя системными атрибутами. С этой точки зрения система становится всего лишь моделью реальности, причем одной из возможных*. Именно такой подход лежит в основе методологии «мягких» систем Чекленда [7].

В таком случае ключевой характеристикой системы становится организованность, степень которой в реальных политических системах варьируется в весьма широких пределах.

Рассмотрим различные типы политических взаимодействий. Последние могут быть системными, межсистемными и внесистемными. Системные взаимодействия осуществляются по правилам, принятым в данной политической системе. Именно для изучения таких взаимодействий наиболее целесообразно использовать системный анализ. Межсистемные взаимодействия, которые могут вести к ухудшению функционирования системы и даже к ее разрушению (гибели системы), чаще всего возникают в процессе борьбы двух или более систем за перераспределение ресурсов.

* Моделируя объект в виде системы, мы строим системную модель.

К внесистемным политическим взаимодействиям можно отнести неформальные отношения, возникающие между отдельными элементами данной системы, которые образуют политическую сеть, не предусмотренную правилами системы.

Если в естественно-научной среде моделирование нередко считают только математическим, то в гуманитарной сфере чаще используются содержательные модели, которым и посвящается основная часть. Чтобы разобраться во взаимоотношениях моделей различного типа, рассмотрим рисунок.

Рис. Типы моделей

Любая модель является в конечном счете моделью объекта, фрагмента реальности (верхний уровень на указанной схеме).

Наблюдая за объектом, индивид формирует в голове некий мысленный образ объекта, который будем называть когнитивной моде-

лью. Формируя когнитивную модель объекта, индивид, как правило, стремится ответить на определенные, конкретные вопросы, поэтому от бесконечно сложной реальности отсекается все ненужное с целью получения более компактного и лаконичного описания объекта. Когнитивная модель может содержать элементы, которые индивид не может или не хочет сформулировать. Возможна и обратная ситуация.

Построение содержательной модели позволяет получить новую информацию о поведении объекта, выявить взаимосвязи и закономерности, которые не удастся обнаружить при других способах анализа.

В процессе построения, изучения и совершенствования содержательной модели когнитивная модель непрерывно модифицируется и усложняется. В гуманитарных науках цикл моделирования на этом обычно и заканчивается, но в некоторых случаях модель удается формализовать до такой степени, что становится возможным построение и изучение формальной модели объекта.

В политических науках формальные модели занимают достойное, но относительно скромное место в нижней части схемы.

Проводя прикладные политологические исследования, политологи поневоле вынуждены погружаться в формальные математические методы и модели, занимаясь измерениями, выборкой, анализом собранных данных.

Создание формальной модели дает возможность постичь сущность исследуемых политических явлений, выявить основные взаимосвязи и закономерности. Использование формальных средств анализа позволяет изучить поведение модели, получить новые, неочевидные результаты. В любом случае результаты моделирования используются для уточнения содержательной модели и, главное, когнитивной модели.

При составлении любой модели главную роль играет механизм. Говоря о механизме явления, мы фокусируем внимание, по сути дела, проникая сквозь поверхностную оболочку к ядру, сердцевине рассматриваемого явления. Механизм — это модель изучаемого объекта, поэтому его использование оказывается полезным.

Фактически, анализируя политический механизм трансформации киргизского общества, можно полагать, что «изучение этого механизма позволило бы более глубоко и системно объяснить движущие силы, закономерности, этапы, достигнутые и вероятные результаты трансформации киргизского общества».

Как мы знаем, завершающим этапом формулирования модели является постановка задачи и цели ⇒ этап исследования модели ⇒ проведение экспериментов ⇒ поиск необходимой информации ⇒ разработка возможных альтернатив, решений ⇒ выбор окончательного варианта действий.

Для построения математической модели требуется опыт, интуиция, развитию которой могут способствовать построение и изучение математического моделирования политических процессов.

Существенную помощь в разработке математической модели оказывает изучение формальной и неформальной моделей объекта. Рассмотрение объекта сквозь призму формальной модели помогает уточнить формулировки, выявить недостающие элементы, убрать все лишнее. Однако построение модели является только первой частью процесса математического моделирования, важна и вторая часть — изучение модели неформальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. — Самара, 1995.
2. Там же. С. 56.
3. Там же. С. 59.
4. Gaines, B. General Systems Research: Quo Vadis // General Systems Yearbook. — 1979. — Vol. 23. — Pp. 1—5.
5. Ibid. Vol. 24. Pp. 1—9.
6. Zeigler, B.P. Theory of Modeling and Simulation. — N.Y.: Wiley, 1976.
7. Келле В.В. Переосмысление системной методологии: версия П. Чекленда // Системные исследования 1995—1996 гг. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — 400 с. (С. 377—389).

Рецензия

Laruelle, M. (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. — Leiden, Boston: Brill, 2013. — VII+413 pp.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Неутомимая исследовательница нашего региона Марлен Ларюэль (дир-р программы по ЦА Университета Дж. Вашингтона) выпустила под своей редакцией в 2013 г. коллективное исследование «Миграция и социальные потрясения как проявления глобализации в Центральной Азии». Напомним, что несколько ранее французская ученая (совместно с С. Пейрузом) уже писала о последствиях глобализации для этого региона в контексте международного положения ЦА*. На этот раз исследуются внутри- и межрегиональные последствия глобализации, в первую очередь в форме усиления миграционных процессов.

Для решения поставленных фундаментальных задач М. Ларюэль собрала широкую интернациональную группу авторов,

в том числе и центральноазиатских. В предисловии к изданию эксперт отмечает, что миграция уже давно является глобальным социальным феноменом. Она добавляет, что территория бывшего Советского Союза не стала исключением в планетарной картине крупных миграционных потоков. Наоборот, население постсоветских государств само активно включилось в процессы миграции. А внутри СНГ регион Центральной Азии, по ее мнению, занимает уникальное положение. Центральная Азия не только стала крупнейшим «поставщиком» славянского и русскоязычного населения в другие регионы, но и источником мощных потоков трудовой миграции. По оценкам автора, порядка пяти миллионов человек из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана являются

* Laruelle, M., Peyrouse, S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. — New York, Armonk: M.E. Sharpe, 2013. — 376 pp. — См.: Казахстан-Спектр (КИСИ при Президенте РК). — 2013. — №3. — С. 113—116.

постоянными и временными трудовыми мигрантами в России и около одного-двух миллионов — в Казахстане. Выходцев из Центральной Азии в качестве гастарбайтеров можно также встретить в США, Канаде, Израиле, Германии, Южной Корее и арабских странах Персидского залива.

Редакция издания поначалу планировала включить в исследование Азербайджан, но, учитывая специфику и различия между двумя регионами — Центральной Азией и Южным Кавказом, в целом отказалась от этого намерения (за исключением главы А. Броб об азербайджанских мигрантах в России). В качестве основного побудительного мотива для создания данной монографии Ларюэль указывает на относительный недостаток исследований по указанной тематике. В структурном плане исследование разделено на четыре основные группы проблем. В первую часть входят такие проблемы, как изучение основных потоков миграции, объема денежных переводов и политики правительств государств, вовлеченных в миграционные процессы.

М. Ларюэль обращает внимание на то, что массовая миграция оказывает влияние на отношения между индивидуумами, между ними и государством, а также влияет на экономическую стратегию государства. Е. Садовская

(международный консультант по проблемам миграции) пишет в широком контексте о современной международной миграции из ЦА и образовании миграционных диаспор. Основной спецификой центральноазиатской миграции автор вполне справедливо считает тот факт, что она, прежде всего, базируется на этнических и родовых связях. Но модернизация неизбежно проникает в эту среду и совершает ее эрозию в русле адаптации новых поколений мигрантов внутри постоянных диаспор к окружающей среде.

Э. Марат (Американский университет в Вашингтоне) посвятила свой раздел влиянию глобального экономического кризиса на центральноазиатскую миграцию в 2008—2009 гг. Вывод, сделанный исследовательницей, звучит следующим образом: экономический кризис показал, что миграция является мощным стабилизирующим фактором для экономик ряда республик региона. Это выражается в том, что миграция компенсирует нехватку рабочих мест дома. Кроме того, кризис заставил Россию как страну — реципиента упорядочить систему двусторонних и многосторонних соглашений со странами — миграционными донорами. С. Олимова (Центр «Шарк», Таджикистан) исследует указанную проблему на примере своей республики. Эксперт при-

ходит к выводу, что увеличение обратного потока мигрантов домой во время кризиса в большей степени было следствием не самого кризиса как такового, а целенаправленной протекционистской и нетолерантной политики российской власти. Любопытно, что в ходе кризиса различные группы мигрантов выработали собственную тактику и стратегию поведения с целью выживания и адаптации перед лицом негативных изменений. Фактически произошел раскол на активных и пассивных индивидуумов, причем к первым относятся те, кто предпочел остаться во время кризиса в России и выживать любым способом. Свою роль в дифференциации гастарбайтеров сыграли такие факторы, как возраст, уровень образования, уровень владения русским языком и т.д.

Завершает первую часть монографии раздел М. Ларюэль о Казахстане как о «новом перекрестке миграционных процессов». Уникальность Казахстана заключается в том, что, с одной стороны, республика заняла девятое место в мире в качестве реципиента иностранных трудовых ресурсов, а с другой — сама остается крупным источником миграции вовне. Но миграция в Казахстан является скорее вынужденной для узбекских и таджикских гастарбайтеров,

поскольку власти Казахстана долгое время не могли или не желали упорядочить на законодательном уровне их положение. Мигранты сосредотачиваются в основном в южных областях республики, способствуя тем самым ускорению процессов «центральноазиатизации» (по выражению автора) и дерусификации в этих регионах. Казахстан привлекателен для своих соседей с точки зрения географической и транспортной близости, а также вследствие этнической близости и отсутствия ксенофобии. М. Ларюэль проводит сравнения между узбекской и киргизской миграцией в Казахстан и обращает внимание, что важным фактором на юге республики остается существование крупной узбекской диаспоры, выступающей в роли посредника между мигрантами и властями. Однако последние вкупе с общественным мнением нервно реагируют на численный рост узбекской общины. С другой стороны, культурно-этническая близость между казахами и киргизами снимает данную проблему (за исключением периодов революционных потрясений в Кыргызстане). Таким образом, заключает автор, на фоне репатриации русскоязычного населения или его старения внутри республики, роста внешней миграции и притока оралманов основной проблемой, с которой в пер-

спективе столкнется Казахстан, станет «центральноазиатизация» состава его населения со всеми вытекающими из данного факта проблемами — деевропеизацией, исламизацией, руризацией и архаизацией общественных отношений.

Вторая часть книги «Миграционные стратегии как примеры адаптации к социальным пертурбациям» носит в большей степени иллюстративный характер. Авторы показывают на конкретных примерах, как, в зависимости от конкретной политической или социально-экономической ситуации, развивались миграционные процессы. А. Алымбаева (докторант Института М. Планка, ФРГ) пишет о внутренней миграции в Кыргызстане, то есть о переселении сельского населения в города. С. Хофманн (Центр российских, кавказских и центральноевропейских исследований, Париж) в своем разделе изучает последствия гражданской войны в Таджикистане для здравоохранения и как причину массовой миграции из республики. Французская исследовательница А. Бро ставит в своем эссе вопрос: азербайджанцы в России — воображаемая диаспора? И, наконец, А. Долоткельдиева (Университет Эксетера, Великобритания) в заключительной главе исследует киргизских мигрантов в Москве.

Каждая глава этой части интересна по-своему. Трудно не согласиться с мнением А. Бро, которая считает, что, в силу исторических причин (азербайджанцы начали осваивать российские города еще в советское время), это во многом условная диаспора; азербайджанцы интегрированы в российское общество порой в большей степени, чем российские граждане из числа северокавказских этносов. А. Алымбаева описывает фактически процесс историко-драматического характера — закат городской цивилизации в Кыргызстане под демографическим давлением села. Впрочем, в той или иной степени аналогичные процессы в скрытой форме протекают во всех центральноазиатских республиках. В то же время А. Долоткельдиева, исследуя униженное положение своих соотечественников в Москве, приходит к выводу, что столица современного российского государства заслужила наименование «нового центра политики в духе неоимпериализма».

Третья часть книги, названная «Формирующаяся социальная фабрика», повествует о гибкости национальных и индивидуальных идентичностей мигрантов. С. Пейруз (проф. Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Дж. Вашингтона) посвятил свою главу «Бывшие колонисты

в движении» миграции русскоязычного населения из Центральной Азии. О. Феррандо (дир-р Французского института центральноазиатских исследований в Бишкеке) пишет о политике в отношении своих диаспор и репатриационных программах центральноазиатских государств. С. Массо (Французский лицей в Кали, Колумбия) в одной главе изучает смену социальной и этнической идентичности в результате массовой депопуляции узбекских кишлаков и переселения в города. Другая глава этого автора посвящена экономической миграции узбеков в Москву, Сеул и Нью-Йорк. Основной посыл данной части книги состоит в том, что все центральноазиатские государства находятся на стадии национально-государственного строительства, причем на основе этнической консолидации. Данный фактор неизбежно оказывает серьезное влияние на другие стороны социальной жизни, включая миграционную политику. Таким образом, местные государства сталкиваются с необходимостью возвращения мигрантов или хотя бы укрепления их связей с исторической родиной.

С. Пейруз выделяет тот факт, что массовый исход так называемого русскоязычного населения в широкой степени способствовал моноэтнизации городской культуры Центральной Азии.

Вторая фаза этого процесса — подключение к миграционным потокам из региона автохтонного населения в европейскую часть СНГ. То есть, делает вывод ученый, Центральная Азия стала основным центром миграции на евразийском пространстве, и с распадом СССР связи региона с Россией отнюдь не исчезли, как это предрекали многие наблюдатели в начале 1990-х гг., но приобрели новое качество, превратив центральноазиатские государства и их народы в акторов геополитической, социальной и демографической рекомпозиции Евразии.

Четвертая часть монографии посвящена влиянию миграционных процессов на гендерную сферу. М. Ривз (Манчестерский университет) рассматривает эту проблему на конкретном примере долины Сох в Узбекистане. Л. Пиар (Бернский университет) посвятила свою главу изучению челночной торговли турецкими товарами, которой вынуждены заниматься узбекские женщины. Н. Хусенова (дир-р представительства французского НПО GERES в Душанбе) в качестве объекта исследования выделила проблему феминизации таджикской трудовой миграции в России. С. Белуэн (Университет Пуатье) возвращается к роли узбекских женщин в миграционных про-

цессах, на этот раз на примере ташкентской интеллигенции. Концепция данной части книги состоит в том, чтобы показать, что современные миграционные процессы фактически продолжают процесс модернизации в гендерной области, запущенный еще советским режимом, хотя и в других формах. На основе изученных материалов и данных социологии, авторы в той или иной степени склонны видеть в узбекских и таджикских женщинах, вовлеченных против своей воли в миграционные процессы, жертв тех социально-экономических потрясений, которые обрушились на постсоветское население в 1990-е гг., и той экономической модели и экономических отношений, которые сформировались на обломках социалистической системы.

Таким образом, перед нами фундаментальный труд, призванный осветить всю сложнейшую ткань миграционных процессов, затрагивающих политические, социально-экономические и демографические аспекты развития не только Центральной Азии, но и более значительного географического и геоэкономического пространства. Проще отметить, чего не хватает в данной работе. В небольшой степени (только у О. Феррандо) затрагивается проблема оралманов, которая также

является частью миграционной проблематики. Кроме того, в книге полностью отсутствует (по-видимому, по сознательным соображениям) освещение проблемы китайской миграции в страны ЦА, которая в последнее десятилетие из спекулятивной сферы перешла в реальную область, особенно для таких государств, как Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан.

И в заключение следует отметить, что в работе полностью отсутствует Туркменистан как объект или субъект миграционных процессов. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, тотальной закрытостью этой страны в академическом и социологическом плане; во-вторых, оторванностью Туркменистана от всех социально-экономических и демографических процессов в регионе и в целом в СНГ. Однако личный опыт рецензента показывает, что этнические туркмены (в т.ч. из Ирана) все же участвуют в миграционных передвижениях. Их можно встретить в России, Казахстане и Узбекистане, а также в странах Евросоюза. То есть тема туркменской миграции еще ждет своих исследователей. Все это несколько не умаляет в высшей степени научного и политологического значения данного коллективного труда.

Cooley, A. Great Games, Local Rules: the new Great Powers Contest in Central Asia. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — XIV+252 pp.

Книга американского исследователя Александра Кули «Большая игра и местные правила: новый контекст политики великих держав в Центральной Азии» больше напоминает по стилю политический триллер, чем политологическое исследование. Автор подходит к анализу ситуации в регионе с позиций так называемой «Большой игры» — явного и скрытого соперничества великих держав. Основных игроков у него три — Соединенные Штаты, Россия и Китай. А. Кули начинает с того, что изучает общий контекст геополитического соперничества в регионе.

Затем автор переходит к анализу поведения центральноазиатских государств перед лицом усиливающегося давления со стороны крупных акторов. Этой проблеме посвящена глава «Как выживают центральноазиатские режимы». Кули считает, что парадигма геополитического поведения каждой из держав в регионе была изначально задана основными рамочными условиями. Для США такими условиями стала необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Москва сама себя

поставила в изначально сложное положение, позиционируя Россию в качестве привилегированного игрока в ЦА, что наложило на нее определенные обязательства и в некотором смысле ограничило свободу маневра, поскольку у нее не хватает ресурсов для проведения политики в качестве патрона.

Для Китая центральным фактором его региональной политики стало формирование ШОС, которая превратилась одновременно и в мотив, и в инструмент активизации политики на западном направлении. Поначалу основным поводом для активной политики в регионе Пекина были проблемы безопасности (СУАР), которые в дальнейшем трансформировались в серьезные экономические интересы и геополитические амбиции. В отдельной главе А. Кули связывает в один клубок такие вопросы, как антитеррористическая кампания Запада, демократизация и права человека. Автор приходит к выводу, что Запад в угоду антитеррористическому императиву принес в жертву свои базовые принципы — поддержку демократии и прав человека, чем не замедлили воспользоваться

местные режимы, а также Москва и Пекин. Более того, в отдельной главе он освещает механизм заключения контрактов западными компаниями с использованием коррупции. В качестве наиболее убедительного примера того, как в результате геополитического соперничества нарушается политическая стабильность, автор приводит пример Кыргызстана.

А. Кули категорически подчеркивает, что центральноазиатские государства, даже самые слабые, не являются пассивными наблюдателями за маневрами великих держав, активно участвуя в этой геополитической борьбе. В конечном итоге исследователь приходит к крайне важному выводу: в ходе геополитической борьбы за Центральную Азию окончательного победителя не

обнаружилось. Таким образом, заключает А. Кули, Центральную Азию можно рассматривать как своеобразную миниатюрную модель или прообраз многополярного мира, где интересы великих держав соприкасаются, а равновеликая мощь и взаимное соперничество заставляют их волей-неволей вести себя осторожно в отношении друг друга и учитывать интересы других сторон. В книге автор приводит немало примеров не только соперничества, но и сотрудничества этих игроков. Свое исследование автор считает полезным не только тем экспертам, которые специализируются на изучении геополитики Евразии, но и как одну из первых работ, в которой прорисовываются контуры будущего «постзападного мира».

Tadjbakhsh, Sh. *Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia.* — Oslo: Peace Research Institute, 2012. — X+62 pp.

Шарбану Таджбахш (Институт политических исследований, Париж) посвятила свое небольшое, но насыщенное исследование, подготовленное в рамках программы Института мира в Осло, связям Центральной Азии и Афганистана в контексте проблем без-

опасности. Исследовательница исходит из того, что так называемая «Большая игра» для Центральной Азии имеет как внешний, так и внутренний контекст. Для изучения всего контекста безопасности в регионе автор первоначально систематизирует

вала все вопросы в три большие группы, а затем скрупулезно исследовала различные детали общей картины.

Первая часть посвящена характеристикам регионального комплекса безопасности. К ним исследовательница отнесла самые различные факторы: географические, исторические, терроризм, ядерное нераспространение, водно-энергетические конфликты, этнорегиональные противоречия, особенности местных политических режимов. Основной причиной такого состояния дел, при котором в Центральной Азии отсутствует единый подход в отношении Афганистана, автор считает, во-первых, соперничество между странами региона; во-вторых, вынужденное балансирование этих стран между великими державами. Тем не менее Афганистан представляет для центральноазиатских государств одновременно и угрозу (как источник нестабильности, терроризма и наркотиков), и благоприятный шанс для активизации регионального сотрудничества в рамках процесса реконструкции своего южного соседа.

Автор выдвинула в своем исследовании в качестве концептуальных три тезиса. Первый гласит, что, несмотря на географическую близость, общее историческое наследие и общие интересы в сфере безопасности,

в Центральной Азии преобладают центробежные, а не центростремительные тенденции.

Вторая часть работы охватывает глобальное влияние на региональную безопасность. Ш. Таджбахш классифицирует акторов, действующих в регионе, на две категории. К первой она относит великие державы — Россию, Китай и США, ко второй — Иран, Турцию, Индию и Пакистан. Отсюда второй тезис книги: стратегическая динамика в регионе ведет к усилению соперничества между крупными игроками (и частично — державами второго эшелона), с одной стороны, а с другой — она накладывается на внутрорегиональное соперничество. При этом великие державы прибегают к использованию многосторонних организаций. Так, за СНГ и ОДКБ стоит Россия; США стоят за НАТО и ОБСЕ; Китай — за ШОС.

Третий тезис базируется на том, что вовлеченность центральноазиатских государств в афганскую проблематику является отражением их собственной динамики в сфере безопасности. В данном контексте третья часть посвящена непосредственно Афганистану как ключевому фактору региональной безопасности. Комплекс отношений, связывающий центральноазиатские государства с Афганистаном, достаточно обширен. Автор большое значение придает этническому фактору как

связующему звену между этими странами. В данном контексте исследовательница анализирует стратегии всех республик региона в отношении афганской проблемы. И в заключительном разделе автор изучает в комплексе весь треугольник действующих акторов (крупные игроки — центральноазиатские государства — Афганистан). Здесь она выделяет такие вопросы, как осознанное дистанцирование России, «политика чековой книжки Китая», мультилатерализм для Афганистана по-евразийски (по оси ШОС/ОДКБ), мультилатерализм для Афганистана по-западному («Новый Шелковый путь» и региональное экономическое со-

трудничество в качестве панацеи от всех проблем).

В заключение исследовательница приходит к выводу, что афганская проблема для центральноазиатских государств представляет собой дилемму: или сближаться с Южной Азией (к чему их подталкивают США), или оставаться частью геополитической Евразии (чего от них ждут Россия и Китай). Она считает, что потенциал для регионального сотрудничества серьезно подрывается именно геополитическим соперничеством крупных акторов, а внутри региона — отсутствием доверия между собой. В целом с такими выводами автора следует согласиться.

Summary

Prospects for Regional Cooperation within Central Asia Regional Economic Cooperation Program (CAREC)

Gussarova A. Y., Research Fellow, Department of Foreign Policy and International Security, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS), Master of Social Sciences

The author presents the prospects for regional cooperation in the context of the risks and challenges that may be formed

under the Central Asia Regional Economic Cooperation Program (CAREC).

Regionalism, Statehood and Unconventional Threats to Security in Central Asia

Chinara Essengul — Researcher at the National Institute for Strategic Studies (NISS) under the Government of KR

The main thesis proposed in this article — a weak state is a prerequisite for the existence and strengthening of unconventional security threats. At the same time, unconventional threats are a leading tool/method of weakening the state. Building a strong state — this is the right and the only effective way to confront unconventional security threats.

Asia is able to enhance the statehood of the region countries through the development of intra-regional cooperation in the fight against unconventional security threats.

The article made the main conclusions of a theoretical nature concerning the interaction through regionalism/statehood/unconventional threats, and some recommendations for the system of regional security control.

The second thesis of the article — sub-regionalism within post-Soviet Central

Perception of the Eurasian Integration by Population and Experts as an Increase Factor of Kazakhstan's Competitiveness

Turekhanova B. K., Head of the Sociological Research Department at the Institute of Eurasian Integration, Astana

Baymaganova K. T., Leading Expert of the Sociological Studies Department at the Institute of Eurasian Integration, Astana

Kalmykov S. K., Chief Researcher at the Institute of Eurasian Integration, Astana

This article discusses the main trends in the public and expert perceptions of Eurasian integration processes in the context of their impact on the growth of Kazakhstan's competitiveness. Based on empirical data it was concluded that there is a public support for the Eurasian integration project in whole and in terms

of its influence on the development of Kazakhstan. The analysis of expert opinions on the "growth points" was given — the advantages of Eurasian integration, which ultimately will have a positive effect in enhancing the competitiveness of the country as a whole, and the domestic business in particular.

Turkmenistan's Lessons: Macroeconomics, Energetics, "Positive Neutrality and Open Doors" Policy

Kaziyeva R.K., Professor at T. Ryskulov Kazakh Economic University, Doctor in Economics

In recent history of the global socio-economic transformation some countries of the world community act as a kind of actors, teaching and receiving lessons of transformations in specific conditions.

Typical description of the current state and dynamics of socio-economic development of Turkmenistan, given on analytical page of the World Bank is: "Preliminary

results of economic development over the past year (2012), indicates that the Turkmen economy remains resistant to uncertainty of the global economic situation caused primarily by the crisis in the eurozone ... Social indicators in the past year showed an improvement comparable to the current economic indicators of the country".

The Problems of Kazakhstan's Border Territories Development

Aben A.S., Senior Research Fellow, Department of Economic Analysis, KazISS, PhD (Economics)

Kazakhstan is a country with a significant boundary perimeter. The major problem is to maintain a balanced development of its border regions that differ significantly from each other in economic, environmental, demographic and other parameters.

The author analyzes the characteristics of the border regions of Kazakhstan that

have been emerging after the collapse of the USSR. In their current conditions these regions can be seen as locomotives of integration. Moreover, as the experience of the border regions of most countries shows, the higher is level of socio-economic development there, the better is the state border security.

Study on the Behavior of Kazakhstan's Retail Investors

Uteyev B.Zh., Senior Lecturer, Kainar University, Almaty

The article shows the scientific prerequisites and the specific problems of Kazakhstan stock market and retail investors, which make the condition for the analysis of the behavior of domestic retail investors. It considers the results of the survey of the retail investors in Kazakhstan (644 respondents). It forms the basic characteristics of the typical behavior of the national retail investors. It finds out that the main reason for the low investment activity of the popula-

tion in the stock market is not only the lack of financial opportunities, but the distrust to the stock market instruments. The article spots out the contradictory of Kazakhstan retail investors presentations about their rights and the risks, which combine the need for protection and guidance, immaturity and vulnerability to external influence and manipulation, distrust upon financial institutions and to the national system of the investor interests protection.

Mediation as a Means of Social Conflict Management

Alpysbayev T.M., Head of Social Sciences Department, Military Institute of Land Forces, Ministry of Defense of RK, Candidate in Sociology, Colonel

The article defines and illustrates the role of mediation (the process during which parties to a conflict identify problems with a neutral mediator, define solutions) to resolve conflicts.

The author remarks that the study has revealed the third-party activity in the conflicts that took place in the MF of RK. Analysis of the techniques and methods of officers who tried to influence the course and outcome of the conflict in military unit allowed us to determine the main approaches and ways of interaction between

the intermediaries and conflicting parties. Contemporary military sociologists and personal author's analysis gives an opportunity to offer an exemplary method of working as an official mediator in order to understand and resolve the conflict that arises in military units, by stages.

In general, the author concludes that the intervention of a third party in the conflicts has a positive effect on the resolution of contradictions causing the conflicts in military units.

Study on the Conflict Potential of Governments: Analytical Models Review

Iskakov E.N., Master of Public Policy (George Washington University, USA), Chief Specialist at the Research and Development Center, International Academy of Business, Almaty

Conflicts are an integral part of any society development. Reasons for conflicts exist with any type of social structure, as individuals and subgroups everywhere tend from time to time claim for the missing resources, prestige or power positions. In recent years, the definition of the sources and causes of internal conflicts has been the subject of numerous cross-country empirical and case studies. Despite the fact that currently among the scientists there is no common approach to the definition of the conflict, its causes and its consequences

for understanding of the socio-economic and political development of the state, the necessity of conflict prevention is obvious.

Analysis of the conflict potential is recommended for most countries in the world. Even if the state in the past experienced large-scale conflicts, the conflict potential analysis enables us to determine tendencies and processes that require special attention in order to determine the development strategy, including the possible ways of preventing future conflicts.

The Role of Mathematical Modeling in Political Science

Assanaliyev U.A., Assistant Professor of International Politics and International Relations at K.D. Dikambaeva Ministry of Foreign Affairs Diplomatic Academy of the Kyrgyz Republic, PhD in Political Science

Mathematical modeling has been an integral part of thinking. Political analysts consider mathematical models to be the simplified theories to study the relations between various political indicators.

A mathematical model takes into account lots of factors which make certain assumptions about people behavior and the restrictions, needed to make a choice.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №4, 2013

Абен А.С. — заведующая отделом экономических исследований Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, PhD

Алпысбаев Т.М. — начальник кафедры общественных наук Военного института Сухопутных войск Министерства обороны РК, кандидат социологических наук, полковник

Асаналиев У.А. — доцент кафедры международной политики и международных отношений Дипломатической академии МИД КР им. К.Д. Дикамбаева, кандидат политических наук

Баймаганова К.Т. — ведущий эксперт отдела социологических исследований Института Евразийской интеграции, г. Астана

Гусарова А.Ю. — научный сотрудник отдела внешней политики и международной безопасности КИСИ при Президенте РК, магистр социальных наук

Искаков Е.Н. — магистр государственной политики (Университет Дж. Вашингтона, США), главный специалист Центра исследований и развития Международной академии бизнеса г. Алматы

Казиева Р.К. — профессор Казахского экономического университета им. Т. Рыскулова, доктор экономических наук

Калмыков С.К. — главный научный сотрудник Института Евразийской интеграции, г. Астана

Лаумулин М.Т. — доктор политических наук

Туреханова Б.К. — заведующая отделом социологических исследований Института Евразийской интеграции, г. Астана

Утеев Б.Ж. — старший преподаватель Университета «Кайнар», г. Алматы

Чинара Эсенгул — научный сотрудник Национального института стратегических исследований (НИСИ) при Правительстве КР

Требования к рукописям, публикуемым в журнале

Журнал «Казахстан-Спектр»

Текст статьи должен быть распечатан на принтере в двух экземплярах (кегель 14, шрифт «Таймс», одинарный интервал, поля — 2 см со всех сторон) и заверен личной подписью автора (авторов). Объем должен быть не менее 8 и не более 14 страниц. К распечатке должны прилагаться файлы с текстом и графическими материалами.

Список литературы должен располагаться в конце статьи на языке оригинала в следующем виде: порядковый номер, автор, название работы, источник, месяц и/или год издания. В тексте ссылки на источники указываются в квадратных скобках.

К материалу необходимо приложить авторский лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются. Ответственность за содержание статей несет автор (авторы). Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.